ЯКУБ КОЛАС

Детям

ЯКУБ КОЛАС

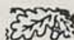
Детям

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР
Редакция детской и юношеской литературы
Минск 1957

СОДЕРЖАНИЕ

Весна. *Перевод Н. Горулева* 3
Доля батрачки. *Перевод С. Родова* 4
На поле весною. *Перевод Н. Горулева* . . . 6
Восход солнца. *Перевод Н. Горулева* 7
Лес. *Перевод Н. Сидоренко* 9
Железная дорога. *Перевод Н. Сидоренко* . . 10
Ручей. *Перевод Н. Сидоренко* 12
Зима. *Перевод Н. Горулева* 14
В школу. *Перевод В. Азарова* 15
На лугу. *Перевод Н. Горулева* 17
Дуб. *Перевод Н. Горулева* 18
Ночью. *Перевод Н. Сидоренко* 21
Зима. *Перевод Н. Горулева* 24
На речке зимою. *Перевод Н. Горулева* . . . 26
К весне. *Перевод Н. Горулева* 30
Майское утро. *Перевод Н. Горулева* 31
Гуси. *Перевод Н. Сидоренко* 32
Песни зимы. *Перевод Н. Горулева* 34
Песня о весне. *Перевод М. Исаковского* . . . 35
За учебу. *Перевод Б. Иринина* 37
Пионерам. *Перевод Н. Горулева* 38
Дед-гость. *Перевод Б. Иринина* 40
Летом. *Перевод Б. Иринина* 42
Первый заработок. *Перевод М. Исаковского* . . 44
Сымон-музыкант (Отрывок). *Перевод П. Семынина* 55
Новая земля (Отрывки)
    Усадьба лесника. *Перевод С. Городецкого* 63
    «Директор». *Перевод С. Городецкого* . . 70
    Зима в Поречье. *Перевод М. Исаковского* . 78
    На речке. *Перевод М. Исаковского* 86
    Таинственные звуки. *Перевод М. Исаковского* 95
Донял. *Перевод П. Семынина* 104
Рак-усач. *Перевод А. Шарапова* 111
Савось-проказник. *Перевод Н. Кислика* . . . 135
Михасевы приключения. *Перевод К. Титова* . . 143

Иллюстрации С. Романова

ВЕСНА

Снег весною ранней сгинет,
Солнце в небе выше станет,
Теплый луч на землю кинет —
Зелень вспыхнет на поляне.

Запоют холмы ручьями,
Станут льды с рекой прощаться,
И с весенними лучами
Стар и млад пойдут встречаться.

Лес оденется безлистый,
Заволнуется, зеленый,
Птичий гомон голосистый
Зазвенит в дремучих кронах.

Зашумит трава густая,
Зацветут цветы красою.
Приходи, весна родная,
Хорошо с тобой, весною!

1908 г.

ДОЛЯ БАТРАЧКИ

Мать в батрачки отправляет
Дочку молодую
И с трудом слезу скрывает,
Горькую, скупую.

«От чужих не жди потачки,
Делай все с оглядкой,
Будь послушною, батрачка,
Да терпи, дитятко!

Ох, не раз от горя очи
Заплывут слезою,
Станет жизнь темнее ночи...
Тяжко быть слугою.

Встанешь утром раньше зорьки,
Выйдешь первой в поле...
Ох, дочушка, хлеб твой горький
И не слаще доля!»

Мать, судьбе своей покорна,
Дочку утешает,
Только к сердцу тучей черной
Жалость подступает.

Вот уж девушка готова
В путь идти далекий.
«Ну, мамулька, будь здорова!»
И целует в щеки.

«Ну, бывай!..» Не совладала
Мать с тяжелым горем, —
Плачем голос ей прервало,
Стынет скорбь во взоре.

Вышла мать за ней, с тоскою
Стала у порога,
Подперев лицо рукою,
Смотрит на дорогу.

На дорогу, на тропинку,
Где шагает Ганна,
И слезинка за слезинкой
Взор ее туманит.

И пока платочек белый
Не исчез у бора,
Все глядела мать, глядела
Долгим грустным взором.

1908 г.

НА ПОЛЕ ВЕСНОЮ

Люблю я приволье
Просторов родных,
Зеленое море
Колосьев ржаных.

Люблю я крутые
Дороги меж гор,
Внизу торопливый
Ручья разговор.

Люблю перелески,
Высокий курган
И в далях безмежных
Прозрачный туман.

Стою и любуюсь
Цветущей весной:
Под ветром колышется
Колос ржаной,

Колышется жито,
Волною бежит.
И синее марево
В поле дрожит...

Люблю я приволье
Просторов родных,
Зеленое море
Колосьев ржаных.

1908 г.

ВОСХОД СОЛНЦА

На востоке луч играет
Предрассветным блеском,
Сыплет золото над гаем
И над перелеском.

Чуть-чуть дрогнет и прольется
Солнце на восходе —
Это небо улыбнется
Людям и природе.

Смех ответный, смех счастливый
Наполняет воздух.
В небе светлом торопливо
Угасают звезды.

Разгорается все шире
Небосвод багряный.
Как пожар, горит над миром
Небо раным-рано.

На полях, лугах разлогих
Сеет блеск-червонцы,
Будто небо путь-дорогу
Устилает солнцу.

Мрак рассеялся в лощинах,
Дымкою расплылся,
Лес стоит в тумане синем,
Луг росой умылся.

Огневые волоконца —
Будто шелк червонный, —
Это тучки ладят солнцу
И деньку короны.

Пахнет рожь и пахнут травы,
Блещут перламутром.
Хорошо вокруг и славно
Ранним свежим утром.

Ведь собрало небо краски
Всех цветов на свете...
Много света, много ласки
В солнечных соцветьях.

1908 г.

ЛЕС

Глухо шепчет лес зеленый,
И шумит он, и шумит.
Долгий гул, неугомонный,
Целый день над ним стоит.

Над землей сплелись осины,
И поет шатер живой...
Лес! О чем шумят вершины?
Что ты шепчешь, вековой?

Лес в ответ гудит, рокочет
Темной шапкою вершин,
Но поведать мне не хочет
То, что знает он один.

1909 г.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В два ряда средь лугов
Ровно рельсы легли,
Режут недра лесов,
Грудь родимой земли.

Где прямою стрелой,
Где дугою сверкнут;
По горам, над водой
Всё бегут и бегут.

Быстрый, сказочный гон!
Рвется вспышками дым.
За вагоном вагон
Мчится змеем лихим.

Мчится ночь, мчится день —
Только поле дрожит,
Так ни конь, ни олень,
Ни орел не летит!

1908 г.

РУЧЕЙ

Средь ольховых кустов,
Где поет соловей,
И шумит, и гремит
Среброзвонный ручей.

И склоняет, как мать,
Верба ветви над ним
И глядится в него
Пышным верхом своим.

Над ним шепчет камыш,
Над ним гнутся кусты,
И венки для него
Заплетают цветы.

Робко кинет звезда
Взор девичьих очей,
Тучка с неба не раз
Заглядится в ручей.

И склоняет трава
Над ним кудри свои,
А он сыплет, шалун,
Смехом звонкой струи.

То в лесок забежит,
То курган обовьет,
Там сердито бурлит,
Здесь беспечно поет.

И ласкает твой слух
Этот лепет живой,
И под песни ручья
Отдыхаешь душой.

1909 г.

ЗИМА

Белым снегом заметает
Ветер черные поля,
На глазах наряд меняет
Обновленная земля.

Тихий снег ложится пухом;
А за ним пришла сама
И завыла в трубах глухо
Ветром северным зима.

Закрывайте плотно хаты,
Чтоб не дули холода,
На окно плетите маты
От морозного следа.

Знать, пора. С повети сани
Снимем тропки протирать,
В чистом белом океане
Будет славно погулять.

1909 г.

В ШКОЛУ

Чинит сыну свитку
На скамейке матка:
Завтра утром в школу
Побежит Игнатка!

Ярко пень смолистый
На шестке пылает.
На колодке батька
Лапти доплетает.

Он дровец подбросил, —
Огонек на диво!
За его работой
Сын следит пытливо.

Светлая головка
Мыслями объята,
И от этих думок
Блеск в глазах Игната.

«Ну, Игнат, гляди, брат,
Не балуй, учися.
Хватит жить без дела —
За букварь возьмися.

Будь, сынок, прилежным,
Подрастай скорее.
Будешь ты читать нам, —
Мы ведь не умеем.

Что мы в мире значим,
Кто мы в мире этом! —
Ведь темны мы сами
И не видим света.

Слушай, что учитель
Говорить там будет
Про науку в книге
И о темных людях.

А прилежным будешь,
Мой сынок, наследник,
Я продам коровку
И кожух последний.

Чтоб ты шел в науку,
Только б не ленился,
Чтобы ты к ученью
Всей душой стремился.

На игру пустую
Ты махни рукою,
Чтобы мы гордились
С матерью тобою.»

На наказ отцовский
Отвечал Игнатка:
«Буду так учиться,
Как велишь ты, батька!»

А как спать улегся,
Мысли поневоле
В грезах говорили
Мальчику о школе.

1910 г.

НА ЛУГУ

ахнет сеном луг широкий
И прохладный пруд.
Тучки белые далеко
За леса плывут.

Ветер травы чуть колышет,
Ивы шелестят.
Луг зеленый жизнью дышит —
Мотыльки парят.

Птичий гомон не смолкает,
Шум стоит и свист,
В ярком свете отдыхает
На раките лист.

Полон песен, полон звона
Беспокойный луг.
И дрожит над ним, зеленым,
Солнца яркий круг.

1910 г.

ДУБ

ак скала, стоит
Коренастый дуб,
Далеко видна
Шапка пышная.

А внизу под ним
Неман катится,
Стежкой-лентою
Извивается.

У корней его
Травы стелются,
А вокруг лежит,
Зеленея, луг.

В глубь земли вросли
Корни цепкие.
Крепко дуб стоит,
Не колышется!

Поднимает он
К небу синему
Во все стороны
Ветви крепкие.

Комель кряжистый
Дышит силою,
А посмотришь вверх —
Шапка валится.

Крепок старый дуб,
Сын веков седых!
Пережил он все
На веку своем!

Налетел на дуб
Ветер с грозами —
Не согнулся он
Перед бурею.

Эй ты, старый дуб,
Верный страж веков!
Льется вдаль твой шум
Песней-музыкой.

А про что шумишь
И о чем поешь,
Знают-ведают
Ветры вольные,

Что с тобой ведут
Разговор живой
В пору летнюю
Или осенью.

Я подслушаю
Тот знакомый шум,
Из него во мне
Песня сложится.

1910 г.

НОЧЬЮ

Мать над колыбелью
Ночку коротает
И сынка больного
Песней забавляет.

На гвозде над лавкой —
Ночничок убогий,
Молча смотрит в окна
Серп луны двурогий.

В зимних тучках звезды
Стройно проплывают,
Мотыльки-снежинки
На лету сверкают.

Тишь легла ночная,
Не дыша, на бревна.
Но больной ребенок
Дышит так неровно!

Мучит его кашель,
Не дает покоя...
«Спи ты, мой малютка,
Дитятко родное!

Ты не бойся, милый:
Прочь ушел из хаты
И с мешком, и с палкой
Злой старик горбатый.

Вон, седой, плетется,
Хнычет на дороге...
Уноси-ка лучше
Ты подальше ноги!

Не пугай сыночка,
Охай на морозе.
Звонко рассмеется
Сын в ответ угрозе.

Хныкай на здоровье,
Лысый, одноглазый,
Впредь в чужую хату
Сослепу не лазай!

Мой Петрусь хороший,
Любим мы Петруся —
Любит его тятя,
Балует мамуся.

Тятя купит Пете
Новые сапожки,
Будет наш сыночек
Бегать по дорожке.

Новую рубашку
Для тебя, проказник,
Скоро купит мама, —
То-то будет праздник!

Удивится тетка,
На Петруся глядя.
«Чей же это хлопчик?» —
Спросит тетку дядя.

Все дадутся диву:
Чей он, мальчик милый?

Ты ответишь людям:
«Я сынок Гаврилы...»

...Возвестили полночь
Петухи за хатой.
Каганца моргает
Глаз подслеповатый.

Женщину сломило
Горе ночи длинной,
И она склонилась
К колыбели сына.

Тихо напевая,
Гонит страх к порогу...
Но вещает сердце
Смутную тревогу.

1910 г.

ЗИМА

Крепкие морозы
Реки заковали,
Белые березы
Инеем убрали.

Ветры все дороги
Замели снегами.
Лес, как дед убогий
С длинными усами,

Замер сиротина
С думой молчаливой.
Изредка вершины
Зашумят тоскливо.

Зимняя перина
Искрами сверкает.
Белая равнина —
Ни конца, ни края.

Под покровом белым
Травы и листочки.
Речка онемела,
Смолкли ручеечки.

Омертвели лозы,
Ветви чуть качают,
А в полях морозы
С бурями гуляют.

1910 г.

НА РЕЧКЕ ЗИМОЮ

Мальчику сегодня
В хате не сидится,
Кличет его речка,
Тянет порезвиться.

Хочется мальчишке
Выбежать из хаты,
Взять с собой топорик,
В лес пойти мохнатый,

Чтоб с размаху стукнуть
По притихшим соснам
И смотреть, как сыплет
Пухом снег морозный.

Как стоят над речкой
Синие осины,
Под нависшим снегом
Наклонив вершины.

— Мамочка, голубка! —
Просит он так мило:
— Ты б меня на речку
Погулять пустила!

Я не буду долго,
Мамочка, ручаюсь,
Капельку на речке
В санках покатаюсь.

— Ну, иди, побегай,
Птенчик голосистый.
Да смотри, на речке
В прорубь не ввались ты.

На душе Алеся
Радость и раздолье —
Выйдет он из хаты,
Лес кругом и поле.

На плечо — топорик
И салазки — в руку.
Хлеба взял кусочек,
— Тютик! — свистнул Жуку.

Через лес знакомый
Тут же, возле хаты,
Протекала речка
Подо льдом горбатым.

Частым буреломом
Берега укрыло.
Речка неподвижно,
Мертвая, застыла.

Скована морозом
Грудь ее живая,
Ледяные цепи
Холодом сжимают.

И вода под ними
Медленно струится —
Нету ей дороги,
Некуда пробиться.

На лесной речушке
Малышу забава.
Поиграть бы можно
Вдоволь и на славу!

— Эх ты, лед холодный!
Ты того не знаешь,
Как мою водичку
В речке обижаешь.

Бедненькой, темно ей,
Душно под тобою.
Пусть бы поболтала,
Милая, со мною.

Дам ей ход, голубке,
Чтоб на свет взглянула,—
Топорком звенящим
Ловко рубанул он.

Звякает топорик,
Звонко стук несется.
Миг — вода струею
Бьется, плещет, льется.

И по льду струится,
Подминая иней,
Словно сказку шепчет
Волнами своими.

Слушает парнишка
Этот сказ чудесный,
Будто вековую
И родную песню.

То ему сдается
Скрипок хор далекий,
То сдается птичий
Голос одинокий.

На душе спокойно
От той песни чистой
И светло на сердце,
Как в денек лучистый.

Сколько дум глубоких
В тихой песне старой!
Навевает песня
Сказочные чары.

От ее напева
Дышит добротою,
Радостью и счастьем,
Милою весною.

От той песни-сказки
Трудно оторваться,
И не может сердце
Ей не отозваться.

1910 г.

К ВЕСНЕ

Мороз, зима,
Вокруг снега,
И спит трава,
Во льдах река.

Пурга, метель,
Ветры гудят.
Дубы в лугах
Поют, шумят...

Когда же ты,
Желанный час
Весны-красы,
Приветишь нас?

Иди, сгони
Снега с полей,
Луга живой
Водой залей.

Одень леса
Шатром красы,
На жито кинь
Кристалл росы.

Теплом живым
Ты нас согрей.
Иди, весна,
Иди скорей!

1911 г.

МАЙСКОЕ УТРО

В небе бездонном, где тучки купаются
В золоте ярких огней,
Вольные песни вокруг разливаются,
Слышатся крики стрижей.

Тихо колышутся листья зеленые,
С ветром беседу ведут.
Вишни красуются белой короною,
Будто девчата, цветут.

Полнится запахом воздух, вливается
В грудь ароматным вином.
В росах умывшись, цветок утирается
Майского солнца лучом.

В небе плывут облака легкокрылые,
Тихой надежды полны.
Эх, как прекрасны, рассветы вы милые,
Светлые думы весны!

1914 г.

ГУСИ

Гуси, гуси, стая вольных!
Грустен крик ваш, гуси:
Вас уводит путь раздольный
Прочь из Беларуси.

Запечалятся болота:
Отшумело лето;
И проплачут отчего-то
Лозы до рассвета.

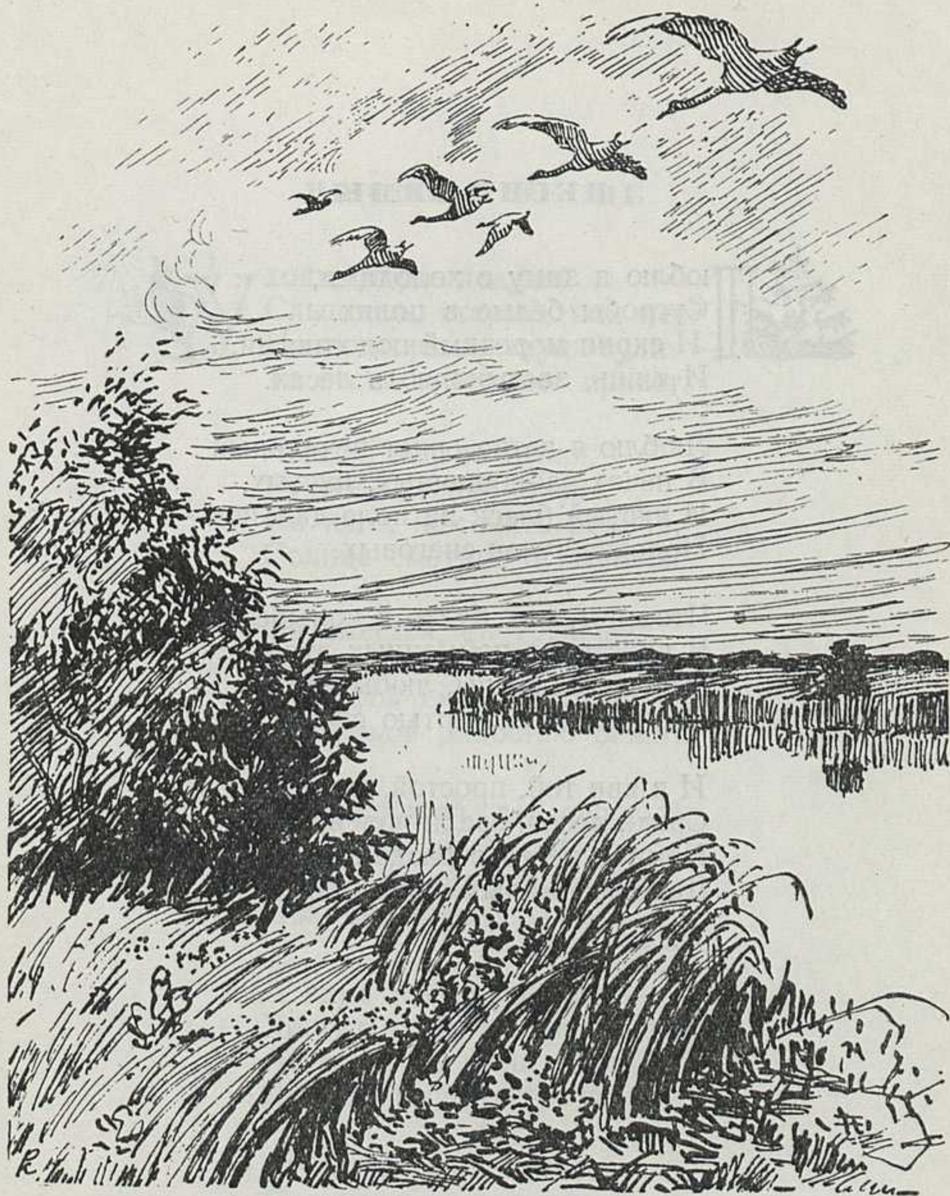
Бобыль-ветер раным-рано
Зло в полях засвищет.
Что, бездомный, за курганом
В голом поле ищет?

Вы ж за облаком высоким
Крыльями взмахнете,
Чтоб не видеть, как осоку
Ветер гнет в болоте.

Что ж, летите! Крылья служат
Смелым для свободы.
Осень... осень... Дали тужат,
Грустно стынут воды,

И горюет сиротливый
Лес, в багрец одетый...
Ой вы, гуси! Унесли вы
Солнечное лето!

1916 г.

ПЕСНИ ЗИМЫ

Люблю я зиму с холодами,
Сугробы белые в полях.
И скрип морозный под санями,
И тишь, застывшую в лесах.

Люблю я ветра свист печальный
В печах заброшенных, пустых,
И чистый блеск на поле дальнем —
Полотна тучек снеговых,

Что спят, как будто в колыбели,
В просторах пойменных лугов.
Мне любы сосны, любы ели
Под белой скатертью снегов.

И в яви той, простой, привольной,
Среди лесов, среди полей,
Немало песен о раздолье
Далеких, милых сердцу, дней.

1916 г.

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ

Уходи, мороз-дедуля!
Слышишь, старый, или нет?
На пригорках: «гули-гули» —
То весна нам шлет привет.

Льется, весело играя,
Ручеек — гонец весны.
На него, как мать родная,
Солнце смотрит с вышины.

Он смеется, он трепещет,
Он сверкает и дрожит,
А другой ему навстречу
С шумной радостью бежит.

Ты послушай, дед суровый,
Посмотри на небеса!
Песней радостною, новой
Льются, плещут голоса.

А зима аж почернела,—
Хватит здесь ей кросна ткать.
Детвора, из хаты смело
Выходи весну встречать.

От ворот и от калитки
Прочь седую провожать:

Собирай, зима, пожитки,
Полно нас в плену держать.

Молодая весна,
Золотая пора!
Будь красна и ясна,
Не жалей нам добра,

Словно мать, приласкай,
Силой нас наливай,
Чтоб росли и цвели
Дети нашей земли.
Мы венок заплетем,
Тебе песню споем.

1922 г.

ЗА УЧЕБУ

Затихают нивы и долины,
Паучки напряли паутины
Да развесили на солнце
Пряжу прямо с веретенца.
Ветерок в полях поет с припевом,
И пушатся пашни новым севом.
Отошло от нас ты, лето,
Роща в золото одета.
Не звенит уж детский смех беспечный
За гумном, у речки быстротечной,
И на желтеньком песочке,
И в зелененьком лесочке.
Прячьте удочки, лукошки, сети
Да беритесь за науки, дети.
Чтоб, как водится обычно,
Все учились на «отлично».
Так потрудимся ж зимой прилежней,
А весна вернется с лаской прежней,—
Нагуляемся мы за год,
Насбираем свежих ягод.

1937 г.

ПИОНЕРАМ

Путь широкий вам указан,
Путь свободный,
Благородный.
Лишь вперед идти обязан
Шум весенний, ясноглазый.

Дети пламенных сражений,
Утро ваше —
Солнца краше.
День Октябрьский — день рожденья
Боевого поколенья.

Будь готов и днем и ночью
Ряд за рядом
Всем отрядом
Встать под знаменем рабочих.

1930 г.

ДЕД-ГОСТЬ

Ходит дед белобородый
Полем, лесом, перелеском,
Льдом затягивает воды,
Покрывает снежным блеском.

Сыплет иней на березы,
Легкий пух кладет по купам,
Взгорки, пашни, травы, лозы
Покрывает он тулупом.

Деда всюду носят ноги,
Он и к нам заглянет этак
Отдохнуть чуть-чуть с дороги,
Сев на елку в гуще веток.

Елка ж — краше нет на свете,
Ну, точь-в-точь как на картинках!
Звезды радугами светят
В лучезарных паутинках.

Тут лисичка, зайчик, мышки,
Рыбки, аист долговязый...
Как на ней сияют шишки,
Точно в них горят алмазы!

Возле елки хороводы,
Говор, шутки, песня льется,

Ну, а дед белобородый
Знай в усы себе смеется.

Так раздвинем круг наш тесный,
Веселей для деда спляшем!
Мы любого встретим песней,
Кто пришел к нам гостем нашим.

1939 г.

ЛЕТОМ

кое приволье!
Солнце сеет блестки,
Жарко и в тени.
Наигравшись в поле,
В роще под березкой
Сядь да отдохни!

Речка так и светит,
В травах — не пробиться,
Счету нет цветам!
Сад качает ветви,
И щебечут птицы
В листьях тут и там.

Тают, как снежинки,
Мотыльки, летая,
День гудит от пчел, —
Желтые песчинки,
Крупка золотая,
Хоть сбирай в подол!

В этом ярком свете,
В день такой хороший
Кто тут усидит?
Что там Федя встретил?
Что нашел Тимоша
И Дружку свистит?

И все вместе трое
Сбились молчаливо
В маленький кружок.
«Что же там такое?
Что еще за диво?» —
Думает Дружок.

Сбоку Коля с сеткой;
Словно встал на страже,
Марта ж с ним рядком, —
Села, как наседка,
И кудахчет даже
Над большим цветком.

А туда взгляни-ка:
Там сестренка брата
За руку ведет.
Знать, по землянику
С кузовком ребята
Собрались в поход.

Вот уж в чаще бродят.
Любо в роще Янке
Бегать босиком.
Но куда Володя
По лесной полянке
Скачет с ездоком?

А малыш на плечи
Сел, да так забавно,
И глядит орлом.
Добрый день и вечер
Нашим детям славным
Под родным крылом!

1939 г.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

Дома

у, Алеська, — за обедом
Батька молвил сыну, —
Полно бегать дармоедом,
Красть в садах малину;

Полно лазать в огороды
Да играть с котенком!
Ты уж, братец, входишь в годы...
Сколько ему, жонка?»

Взгляд у матери невесел,
Страх ей сердце давит:
«Уж не в люди ли Алеся
Хочет муж отправить?»

Мальчуган (семь лет с рожденья)
Смолк, ссутулил плечи,
Словно впал в оцепененье
От отцовской речи.

Не сказал в ответ ни слова,
Лишь в глазах кручина.
«Что ж молчишь ты?» — батька снова
Спрашивает сына.

«Дай поесть хоть! Отвяжися,
Поимей ты жалость!
Ешь, Алеська, не журися, —
Мать не удержалась. —

Ты с попреком, словно с палкой,
Лишь за хлеб он взялся...» —
«Пусть поест! Мне разве жалко? —
Батька отозвался. —

Ешь, Алесь! Чего надулся,
Словно мышь на крупы?
Иль ты с ночи не проснулся,
Так проснися, глупый!

Глянь в глаза мне! Да смелее!
Так вот! Молодчина!
Будь живее! Ешь быстрее!» —
Подбодрил он сына.

Пообедали с бедою,
Чашки опустели.
Вытер батька рот рукою
И опять о деле:

«Ну, так вот что, слышишь, хлопчик?
Хватит зря болтаться!
Пусть комар тебя поточит —
Надо б чем заняться.

В Курганы пойдешь на лето
Пастухом к коровам;
Шесть рублей дают за это
Да кафтанчик новый».

«Ой, побыть бы дома надо! —
Слово мать вставляет. —

Мал он, где ему со стадом?
Что он понимает?

Жизнь-то в людях горевая,
И не жизнь, а мука...» —
«Ничего! Тут немудрая
Надобна наука.

Ну, согласен? — батька к сыну
Обратился снова. —
Вот и славно! Молодчина!
Вот и все готово!

Знать, в меня ты уродился,
Вот люблю за это!
Я ж работать, брат, учился
В молодые лета».

Перед отходом

У Алеся думок много,
Все Алесю ново,
И лицо серьезно, строго,
Словно у большого.

Бросил он гулять с друзьями:
Хата не богата, —
Помогать он должен маме,
Батьке, сестрам, брату.

Над работой батька бьется,
Отдыха не зная.
Пот с лица у батьки льется,
Как роса ночная.

Да и мать — куда же боле? —
Дела ей хватает:
И в избе она, и в поле,
Кормит, обмывает.

Нет от девочек помоги:
Мелкота все дети!
Только сам он, слава богу,
Может все на свете.

Он уж помощи не просит,
Взрослый он детина!
Он с водою ведра носит
Важно, как мужчина!

Думки тихо, незаметно
Дальше улетают.
Как чужие, неприветно
В Курганах мелькают.

Много мать наговорила
Про житье с чужими,
Наставляла все, учила,
Как ужиться с ними:

«Делай дело в лучшем виде,
Будь неутомимым,
Если кто тебя обидит,
Ты смолчи, родимый.

Будь послушным, терпеливым,
Мой беловолосый,
Не пускай скота на нивы,
Не трави покосы...»

Много страхов мать нагнала,
Сына поучая.

Так ему приятна стала
Сторона родная!

Только что ж тут делать станешь?
Не своя охота.
И кругом — куда ни глянешь —
Бедность да забота.

Да и жить-то не за морем —
Восемь верст от дому:
Курганы вон там за бором,
Все места знакомы.

Так Алеська рассуждает,
Головы не клонит,
Дух надеждой поднимает,
Прочь унынье гонит.

В узелок давно увязан
Скарб его убогий.
Поясочком подпоясан,
Ждет Алесь дороги.

Тяжко сердце заболело,
Лишь из хаты вышел.
Только плакать не посмел он,
Чтоб отец не слышал.

У чужих

«Добрый день вам, ваша милость!»—
«Добрый день! Садитесь». —
«Мы к вам с гостем заявились,
Вот он — подивитесь».—

«Э, да хлопец что и нужно!
Будет лет под восемь?» —
«Семь считали в день задушный [1],
В ми́нувшую осень».

В уголочке притулился
Мальчик молчаливо
И на все кругом дивился,
Все казалось дивом.

Устремил свой взгляд ребенок
На того святого,
Что написан был с ягненком,
Что глядел сурово.

Посмотрел на Николая,
На Юрия тоже,
На святых, что и не знает,
И назвать не может.

За столом сидят мужчины
И старик меж ними:
На лице его — морщины
Стежками кривыми;

Лоб высокий, безволосый,
Голый, что колено,
И усы идут от носа,
Белые, как пена.

Дети, русой головою
С теплой печки свесясь,
Как на чудо на какое,
Смотрят на Алеся.

---

[1] День 1 сентября, когда поминались души предков *(прим. авт.)*.

А тем часом стол убрали,
Появились чарки.
В печи весело трещали,
Говорили шкварки.

Первым дед за дело взялся,
Чарку поднимает:
«Пусть от хлопчика в хозяйстве
Счастья прибывает!

Подь, Алеська! Не стесняйся!..
Стань поближе, братец!..
Будь смелей, располагайся,
Как в отцовской хате!»

Подошла хозяйка к «гостю»:
«Не кручинься очень!
Шапку здесь повесь, на гвоздик,
Шкварку съешь, сыночек!

Подкрепись да отдыхай-ка,—
Путь-то не короткий...» —
И дает ему хозяйка
Капель десять водки.

Крутит хлопчик головою —
Пить он не берется.
Шкварку сгребши пятернею,
Ест, а сам трясется.

«Ну, сыночек, будь здоровым!
Береги скотину!
К Покрову вернешься снова»,—
Батька молвил сыну.

Распрощался батька с ними
И пошел до дому...
Ой, как тяжко меж чужими
Малышу такому!

Не выдержал

Крепко мальчик зажурился
По семье, по маме,
Словно свет пред ним закрылся
В этой темной яме.

Все тут дико, все тут глухо,
Будто в чаще леса,
Хмуро, злобно каждый угол
Смотрит на Алеся.

Все-то здесь не так, как дома, —
Лавки, печь большая.
Даже речь тут не знакома
И ему чужая.

Все тут — двери и оконца —
Лишь тоску наводит.
И не так, как дома, солнце
Всходит и заходит.

Да и люди здесь другие:
Злы они, сварливы.
И березки не родные,
И луга, и нивы.

Под тенистой грушей в поле
Сел Алесь устало.

Загрустил он, как в неволе,
Сердцу больно стало.

Взгляд на белый шлях бросает,
Что ведет до хаты,
Что, как лентой, огибает
Темный лес мохнатый.

Так милы Алесю стали
Родные дубравы,
И пригорки в синей дали,
И цветы, и травы.

Хаты, пуни, гумна, клети,
Церковь в отдаленьи...
Лучше жизни нет на свете,
Чем в родном селенье!

Тут не хата — гроб с покрышкой:
Мрачно, свету мало...
И задумал наш парнишка
Дать отсюда драла.

Хлеб чужой и черств и горек,
И того — не много...
А с пригорка на пригорок
Стелется дорога.

Льется бледный свет в оконце.
Робко, осторожно
Встал Алесь еще до солнца
С думою тревожной.

На святых перекрестился,
Глянул на полати:
Там старик тот развалился,
Спит. Спокойно в хате.

С узелочком, полный страху,
В путь Алесь собрался,
И бесшумно, шаг за шагом
К двери он подкрался.

Дверь беззвучно открывая,
Прошмыгнул он в сени,
Билось сердце, замирая,
И тряслись колени.

Вышел он, и по дороге
Мчатся ноги сами!..
Скрылся месяц златорогий,
Звезды угасали.

Прилетел домой, как птица,
Стал на пригуменье,
А в избу войти боится, —
Взяли вдруг сомненья.

Что ж тут делать — он не знает,
Иль назад вернуться?
Плачет, бедный, и вздыхает,
Слезы так и льются.

Вышла мать, вздохнула тяжко,
Беглеца заметив.
Жалко, жалко ей бедняжку!
Ой вы, дети, дети!..

«Что ж ты плачешь? Шел бы в хату!..
Не плачь, успокойся...» —
«Ой, боюсь, боюсь я таты!» —
«Он не съест, не бойся».

Батька встал и обувался,
Глядь — Алеська в хате.
Батька только засмеялся:
«Ты уж дома, братец?»

А Алесь дрожал всем телом,
Словно грешник страшный.
Думал он: «На свете белом
Самый я несчастный».

Узелка не выпускает,
Жалкий, сиротливый,
И ручонкой вытирает
Слезы торопливо.

«Что же это в самом деле? —
Громко мать сказала. —
Как травинка, хлопец зелен,
Как цыпленок, мал он.

Где служить ему такому,
Отправляться в люди?
Пусть побегает он дома,
Время еще будет».

«Что кричать тут? Что ругаться? —
Муж махнул рукою. —
Только стыдно мне встречаться
Будет с той семьею.

Ах, бездельник ты проклятый,
Лезь на ручки к маме!» —
Плюнул он и — вон из хаты,
Хлопнувши дверями.

1910 г.

СЫМОН-МУЗЫКАНТ

(Отрывок)

ж Покров не за горами,
Ветер рощи обнажал,
Молодой мороз утрами
В колеях ледок ковал.
Глухо в поле. Опустели
Нивы желтые давно,
Не услышишь птичьей трели —
Грустно, холодно, темно.
В тишине над всей землею
Недвижим повис туман,
Скрыв белесой пеленою
Вековой вдали курган.
Одиночеством, пустыней
С неба веяло, с дорог,
Сединою ранней иней
На кусты, на травы лег.
Прогнала веселье осень,
Пригорюнилась земля,
Оживляла только озимь
Потускневшие поля.
Днем таким овечек стадо
Выгнал на поле Сымон;
Тишина ему отрада...
Сел на мох под елку он,
А овечки озимь ели,
Чуть к лесочку отойдя,
И пугливо в лес глядели,

Вдруг ушами поводя.
— Ну и глупая скотина!
Ветер тронет куст — бегут,
Камень встретят, хворостину,
Уж копытом землю бьют.—
И Сымонка усмехался: —
Ишь, дрожат от пустяка,
Куст им волком показался! —
Так под говор пастушка
Успокаивалось стадо,
И катилось время ладом.
Но сегодня, в самом деле,
Неспроста овец трясло!
— Ну, чего вы одурели?
Что вам в голову взбрело? —
Говорил Сымон со стадом,
Все ж тревожился и сам
И, привставши, зорким взглядом
Шарил в поле, по кустам.
«Уж не волк ли их пугает?» —
Только так подумал он,
И похолодел Сымон:
Волк из лесу вылетает,
На овечек прямо садит,
Злой, оскаленный, что кат.
Где уж с ним парнишке сладить,
Этакий страшенный гад!
Пасть большущая раскрыта,
Даже клык видать кривой,
Очи блещут зло, не сыто,
Сам косматый и седой.
Стадо кинулось со стоном,
Аж пошел по полю стук,
А он хвать одну с разгона
Да за горло, и — каюк!
Волчьим зубом чуть коснется

Или грудью налетит,
И овца не встрепенется —
В поле мертвая лежит.
С диким криком, перепуган,
Хлопчик кинулся туда.
— Га-га-га! Пошел, зверюга!
Люди, волк! Сюда, сюда! —
Волк овец развеял в поле,
Трех на месте уложил,
А баранчика схватил
Да и в чащу, на приволье!
У Сымонки сердце ныло,
И от криков он охрип,
На пригорке сел без силы,
Онемел язык, прилип,
Произнесть не может слова,
Бел, что стенка, паренек.
Ох! нагнало зверя злого
Лихо черное не в срок.
Страх и горе душу смяли,
Плачет мальчик, жив едва.
Люди плач тот услыхали,
Из леска везя дрова.
Хоть на крик бежали живо,
Да поспеть уж не смогли,
Лишь собрать овец пугливых
Пастушонку помогли.
Гнал Сымонка стадо робко,
Еле ноги волочил,
Ох, задаст же тятька трепку,
Что овец не сохранил!
А о том, что он невинен,
Хлопчик и не думал тут:
Разве был хоть раз доныне
Справедливым батькин суд?
Нет, он скажет все же: «Тата!

Я не спал, вокруг глядел,
Да внезапно волк проклятый,
Словно вихорь, налетел».
Только дома не поверят,
Ох, раскатится же гром!
Не хотел бы ни вечерять,
Ни показываться в дом.
Брел, объят тоскою жгучей,
Бедный хлопец наш в пыли,
На телеге же скрипучей
Трех овец в село везли.
Вот село уж недалеко,
Задержался в поле он,
Вон и дом их, шест высоко
Там поднялся у окон.
Видно, как телега стала,—
Трех овец во двор несут,
И, накинув что попало,
Дядьки из дому бегут,
Говорят о чем-то. Люди,
Суетясь, спешат туда...
— Ну, Сымонка,— худо будет!
Ох, беда тебе, беда!..—
А вот чешет дядя Юрка:
— Хорошо ты пас овец!
Где ж баранчик?.. Вот и шкурка...
Вот и мясо!.. Молодец!..
Вот доверь, пошли такого!
Напорол так напорол! —
Больше не сказав ни слова,
Только взглядом уколол.
И погнал во двор овечек,
А Сымонка шел за ним,
Торбу вскинувши на плечи,
Молчалив и нелюдим.
Вот и дворик их, и хата,

У крыльца, в сенях народ,
Гомон, шум, кричат ребята,
Норовя пролезть вперед.
Плыл тревожный говор люда
В тьме, нависшей над селом,
Различал мальчонка худо,
Что творилося кругом.
— Погубил почти полстада!
Ты чего ж смотрел? где был?
Самого бы лучше, гада,
Волк на месте задушил! —
Батька злой, сверкая взглядом,
Кинул жгут колючих слов.
Нет, не жди теперь пощады!
Да Сымон на все готов:
Будут лаять — пусть их лают,
Будут бить — пусть хоть убьют,
Все угрозы не пугают,
Никакой не страшен суд.
Он, как будто издалека,
Как чужой, на все взирал,
В забытьи таком глубоком
Долго он один стоял.
— Что стоишь там, как заклятый?
Грех наш, господи, прости! —
Мать сказала,— иди в хату,
Пропадешь ты без пути! —
И вздохнула. Жалко стало
Несуразного сынка,
Острой болью сердце сжало.
Вдруг отец из хлевушка
Вышел, темный и сердитый.
Не сдержала мамка слез:
— Не дерись уж, погоди ты,
Разум он и так растрес.
— Прочь отсюда, чтоб и смрада

Твоего мне здесь не знать,
Дня прожить не можешь ладом.
На село уж показать
Стыдно мне, седому, очи.
Скрипку забирай и — вон!
Вон из дому — куда хочешь,
И не сын ты мне, Сымон! —
Хлопец, выгнанный из дому,
У гумна на камень сел.
Горе билось в горле комом,
В тьму ночную он глядел.
Он глядел не плача. Слезы
Были все на дне души.
Где-то сонный ветер лозы
На болоте ворошил.
Хлопец встал, не размышляя,
Перелез через заплот,
Скрипку к сердцу прижимая,
Зашагал вперед, вперед...
— Ты, отец, уж слишком круто,
Разве малый виноват,
Что не сладил с волком лютым?
Выйдь, покличь его назад! —
Сердце матери сжимала
Боль: мальчонка побелел,
Испугался, знать, не мало,
За день прямо постарел.
— Нет, пускай он там поплачет!
Цел он будет, не ходи!
Как замерзнет, сам прискачет,
Сядь уж лучше и сиди. —
Только мать не усидела,
Вышла тихо на крыльцо.
— Где ты? — крикнула несмело.
Ночь смотрела ей в лицо
Неприветливо, тоскливо.

Тьма сдвигалась молчаливо.
— Эх, обидела сынка,
Встреча с волком нелегка!..
Эй, Сымонка! — тишь опять,
И глядят напрасно очи,
Вытирает слезы мать.
Вышел батька: — Иди в хату,
Да не прячься, а то — дам!
Понял? Слушать надо тату!
Что ты скрылся, дурень, там?
Небось вижу! — Но за тьмою
Он не видел ничего.
Встав кругом глухой стеною,
Ночь глядела на него.
Батька больше не сердился
И Сымонку долго звал,
Только сын не воротился —
В темноте сырой пропал.

1925 г.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

(Отрывки)

УСАДЬБА ЛЕСНИКА

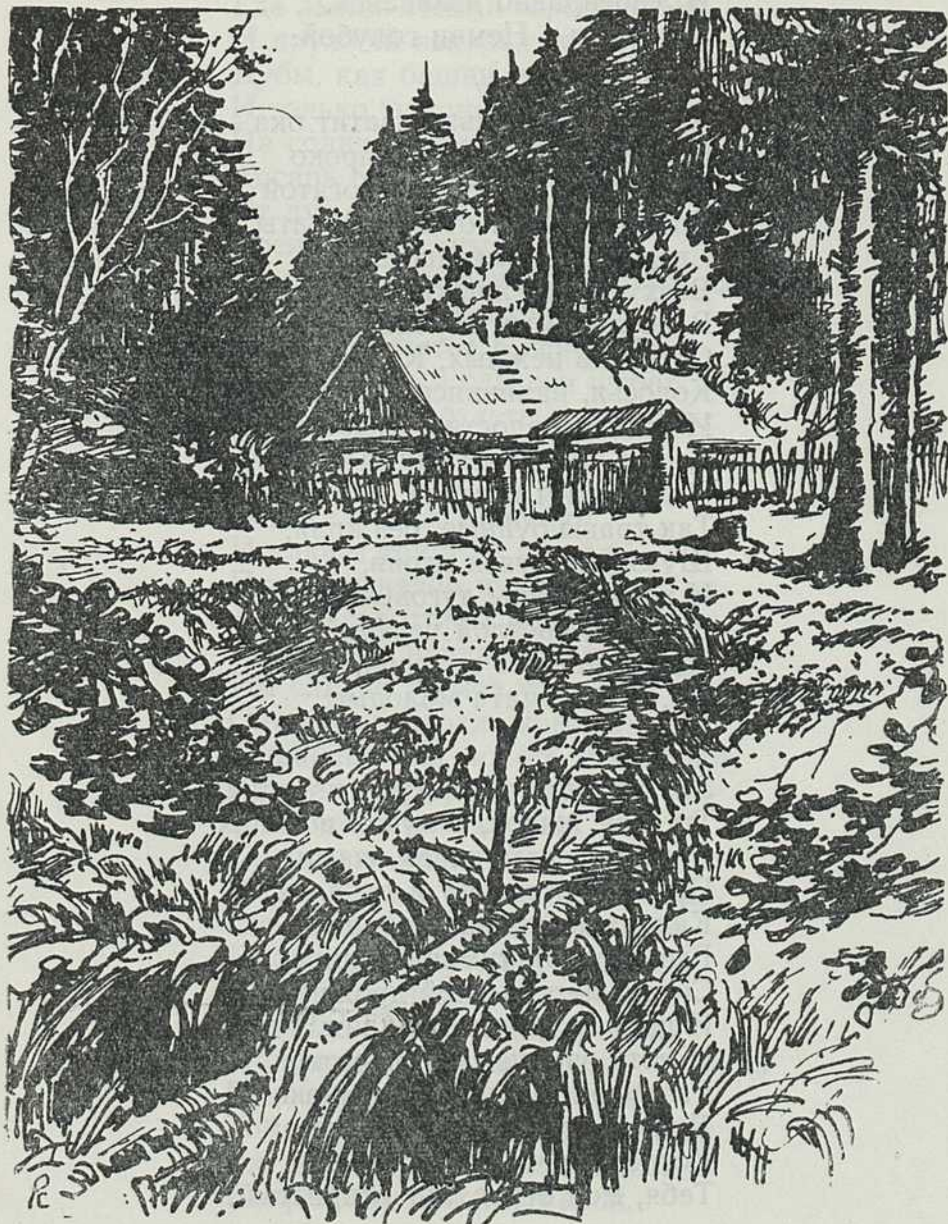

О детства уголок мой милый!
С тобой расстаться я не в силах.
Как часто, утомлен дорогой,
Годами юности убогой,
К тебе я в думках улетаю
И там душою отдыхаю...

Вот и теперь передо мною
Тот уголок — приволье наше,
Криницы солнечная чаша,
И елка с тихою сосною,
Обнявшиеся над водою,
Как молодые в час разлуки,
В час клятвы и любовной муки.
И вижу лес я возле хаты,
Где, взявшись за руки, девчата
Играли песни дружным хором,
Идя с работы шагом скорым.
Напевы песен их раздольных
По лесу звонко разливались,
Им все пригорки откликались,
И радость пела в звуках вольных.
А сосны, ели вековые
Под эти песни молодые
Стояли в молчаливой думе,

И в их неуловимом шуме,
В печально-сумрачном смиренье
Как будто чудилось моленье.

Вблизи сторожки лесниковой
Лес выгибался, как подкова, —
Высокий, старый и тенистый.
Шатер осины круглолистой
Сплетался с соснами, дубами,
А елки хмурыми крестами
На небе четко выделялись
И словно с тучами шептались.
Они стояли, точно вдовы,
Поодаль хмуро-одиноко,
Поднявши к облакам высоко
Своих вершин наряд суровый.
Лес наступал и расступался,
Лужком зеленым разрывался
И обнимал двумя крылами
Приветно хату и ветвями
Шумел над речкой, колыхался.
А снизу этот лес косматый
Подбит был выпушкой богатой:
Лозой, черемухой, крушиной,
Ольхой кудрявой и рябиной.
Глядишь, бывало, и сдается,
Что через эту ткань живую,
Сквозь эту поросль молодую
Ни мышь, ни птица не пробьется.
Из глуби леса мирно тек
Травой заросший ручеек.
К его струям неторопливым
Склонялись трепетные ивы,
Он из-под сени их густой
Едва заметной бороздой
Шел через луг, в траве скрываясь,

И, своенравно извиваясь,
Вливался в Неман голубой.

А луг — насколько хватит ока —
Свободно, пышно и широко
Простерся скатертью богатой
Вдоль Немана от самой хаты,
Сверкая яркими цветами,
Всех красок жаркими тонами,
В неуловимых переливах
Оттенков нежных. Как на нивах
Колосья, наливаясь, гнутся
И людям радостно смеются
Таким приятным тихим смехом
Под легким ветерка пробегом —
Так травы буйные, без края,
Шумят, ликуя и играя,
И ходят волны луговые
Веселой, светлой чередой;
Цветы кивают головой, —
Ну, как девчата молодые.

Эх, луг широкий! Луг цветущий!
Ты, как живой, в лучах поющих
Стоишь всегда перед очами.
Прекрасен ты, но и печален,
Как наша тихая сторонка,
Где пеленой тумана тонкой,
Синея, летний зной дрожит
И даль задумчиво глядит.
И хоть измучен я тюрьмою,
Разлукой с милой стороною, —
Душой воспрянув, оживаю,
Когда в мечтаньях озираю
Тебя, мой берег, луг искристый,

Где льется Неман серебристый
И дружной высятся толпою
Дубы, как башни, над водою.
И только тут, под их ветвями,
На солнце утомлен трудами,
Косарь спокойно отдохнет
От дум тяжелых и забот,
Овеян сладостными снами.
Здесь так привольно, так прохладно.
И птицы резвые отрадно
Поют, кружатся в ясном небе,
Везде веселый слышен щебет.
А на дубах, воздеты к звездам,
Темнеют аистовы гнезда.
Клекочут аисты, и звонко
Им жалуются аистенки
И клювы тянут из гнезда, —
Птенцам давно нужна еда.
А там, где птицы возмужали,
Манить их начинают дали;
Им сладко первое усилье,
Они уже разводят крылья,
Глядишь — на локоть подлетают,
Крылами ветер загребают
И неуклюжими ногами
Смешно танцуют над дубами.
В соседстве с ними, под суками,
Скворцы и воробьи гнездятся,
Пищат, щебечут, ворошатся
И молкнут поздно вечерами.
В дупле кричат сизоворонки,
И свист над лугом резкий, громкий
Роняет коршун осторожный,
Томя простор тоской тревожной.
Эх, луг широкий! Как живой,
Покрытый свежею травой,

Ты зеленеешь предо мною,
Сияя светлою красою.

Как женщины, к которым старость
Тайком, исподтишка подкралась,
Чтоб незаметно отобрать
Их силу, красоту и стать, —
Так рядом с хатою, в садочке,
Пригнувшись тихо в уголочке,
Дремали старые две ивы.
А тут же, стройны и красивы,
Деревья юные стояли
И весело на свет взирали.
Раскинув ветви над бурьяном,
Росла здесь груша с тонким станом,
И над забором валом пышным
Кудряво зеленели вишни.
Был невелик, конечно, сад —
Рябина, три дичка подряд,
Меж ними липка молодая,
Как будто внучка дорогая.
Но как же радостно и мило
Пчела тут в ульях гомонила!
И как приятно пахло медом!
Плодились пчелы с каждым годом,
Что лето — ульев прибывало,
Хоть было их уже немало.
И гул стоял и днем и ночью.
Бывало, летом, в час рабочий,
Вдруг разнесется крик веселый:
— Эй, тятя! Дядя! Вышли пчелы!..

За хатой, прямо возле сада,
Навес стоял с гуменцем рядом,
А под навесом снасть простая:

Возок, телега запасная,
Колеса, хомуты и сани,
И ульев несколько, заране
Уж приготовленных; ушат,
Кадушка, старый понаряд[1]
И прочий запыленный хлам
Ютился здесь по всем углам.
Всё — вещи, нужные для дома!
Гуменце, крытое соломой,
От долгой жизни поседело,
Солома клочьями висела,
Ее и ветры потрепали,
Да и мальцы поободрали,
На крышу лазая, бывало, —
Их это дело забавляло.
А под щитом, на паутине,
Засохший колос-сиротина
Один в тиши слегка качался;
С каких он пор тут обретался —
Никто не мог бы дать ответа!
Еще старей постройки этой
Был хлев замшелый и гнилой;
Стоял он там, с годами споря,
Едва держась, как на заборе
Горшок, разбитый кочергой.
Давно подъеденный червями
И набок сдвинутый ветрами,
Тот хлев казался стариčиной,
Согбенным тяжкою кручиной.
А сбоку, в поле, недалеко
Виднелся погреб одиноко, —
Припав к сырой земле стрехою
Он зарастал густой травою.
Среди запущенных строений

[1] Понаряд — колесный скат.

В глуби двора стояла хата;
Она была щеголевата,
Как та шляхтянка из селенья,
Что в праздник около костела,
Чуть-чуть поднявши край подола,
Преважно ходит под зонтом
И юбкой вертит, как хвостом,
С дорожек пыль, песок сметая
И в хлопцев глазками стреляя.
За хатой поле начиналось,
Где рожь густая колыхалась,
Росли овес, ячмень, гречиха...
Привольно было там и тихо!

Теперь завесу лет раздвинем,
И оком пристальным окинем
Житье Михася и Антося,
Посмотрим, как там все велося.

„ДИРЕКТОР“[1]

Всему свой срок. Уходит лето.
То — дни раздумий для поэта,
То — грустный образ расставанья,
То — струн дрожащих замиранье,
То — горесть песни вдохновенной,
Спор смерти с жизнью неизменный.
И люб и грустен час прекрасный,

---

[1] В старой, дореволюционной Белоруссии некоторые крестьяне, желая научить своих детей читать и писать, брали в дом грамотного подростка. Этих кочующих из дома в дом маленьких учителей называли «директорами».

Когда душа природы всей
С душой сливается твоей
В один и тот же строй согласный.
На золотых порогах полдня,
Где белорунный полог поднят,
В пучинах неба ясно-синих
Проходит солнце, как богиня,
И косы-стрелы рассыпает,
Как чаровница молодая.
Под лаской этого сиянья,
Под добрым взором созерцанья,
Все успокоилось: и небо,
И поле убранного хлеба,
И эта даль, и луговины...
На нитках белой паутины
Привозят осень пауки.
И замелькали челноки,
По морю леса засновали
И листья багрецом заткали...
И каждый лист несет в лесу
Свекрови-осени красу.
Повеет ветер, тронет травы,
Но нет в нем ласки и забавы.
Нет, то не шорох колосков,
Не смех лазурных васильков
Во ржи, средь чуткой тишины.
Нет, то не музыка весны,
А тихая печаль и мука,
И с жизнью и с теплом разлука.
Помчались гуси в край далекий
И журавли в тот дальний край.
Прощай же, летечко, прощай!
Прощайте, милые волоки!

— Ну, как,—сказал Михал,—как будет?
Детей по школам учат люди,

Пора б и нашим за науку.
Но в школу отдавать не в руку:
Что будут есть, где жить, бедняги... —
И батька тут, как на бумаге,
Стал вычислять, насупясь, траты
И сделал вывод: лучше в хату —
Чтобы не кланяться Якиму —
Нанять «директора» на зиму,
Ну, хоть бы Яську Базылева.
— Дам три рубля — и все готово!
А хлопец прыткий до науки.
— Ну, Яська — мастер на все руки:
Что до серпа, то и до книги.
Лишь бы ребята стали слушать,
Чтоб не пришлось ему откушать
Своих воспитанников фиги, —
Антось заметил. — Что за фиги?
Пускай посмеют, прощалыги! —
Вскипел Михал: — А это что?
Как всыплю розог вам по сто,
Любой лентяй три дня не сядет! —
Глаза тут опускает Владя,
Но слово все-таки вставляет:
— Забыл я больше, чем он знает!
— Ой, как умен! Все понимаешь!
А пять да два не сосчитаешь.
Ты у меня учись без дури,
Не то ученье будет шкуре!
Должны понять — не шутка! — сами, —
И батька всех обвел глазами,
А после глянул на веревку,
На том закончив перемолвку.
Еще «директор» не явился,
А Владик хлопцам побожился,
Что уши драть не даст повадки, —
Пускай он сгинет в лихорадке!

В лаптях добротных Базылев
Явился, лишь прошел Покров.
Два сапога без каблуков
Привез с собой: ему от брата
В наследство перешли когда-то.
— Ну, вот «директор» вам, глядите! —
Михал кивнул сынам на Яську.
— С утра за книги, за указку!
Отцовы деньги — не шутите!
Учиться мне не как-нибудь!
Не потакай ты им ничуть! —
Михал «директору» сказал. —
А чтоб никто не отставал —
Тяни за ухо, на колени.
Найду лекарство я от лени!
И коль пойдет наука туго,—
Помогут им ремень и угол! —
Стояли хлопцы и сопели,
На Яську изредка глядели.
А сам «директор», низкий ростом,
Одетый по-бедняцки, просто,
На вид совсем невзрачен был
И ничего не говорил.
Спустя немного он очнулся,
Пришел в себя и оглянулся,
Он знает всех и всем знаком,
А Владик был его дружком.
Но ведь теперь не то уж время!
Тяжелое он принял бремя,
Превыше дружбы и потех —
В науке должен быть успех!
Он школу кончил прошлым летом,
Не мудрый клад унес при этом
И растерял уж половину,
Гоняя по полям скотину.
И хлопцы так же рассуждали

И, как держаться с ним, не знали:
Считать его за своего
Иль быть подальше от него?
А Владик сразу — шмыг за двери
(К такой уж он привык манере!) —
Я по хозяйству, мол, иду!
С наукой был он не в ладу.

Алесь за печкой притаился,
На Яську пристально воззрился.
Ну, хлопец — птичка-невеличка!
Ему тут скучно с непривычки:
Леса, кусты, одна лишь хата,—
Ох, жить здесь, верно, страшновато!
А ям и рвов, оврагов сколько!
Гляди, напорешься на волка!
А может, хуже — вурдалак!..
Попался, хлопец, ты впросак!
Эх, тяжко жить тут будет, тяжко! —
Готов уж каяться бедняжка,—
Поехал, не узнавши броду,
Каб знать, не согласился б сроду!
И одичаешь здесь, как сыч!
Но уж распили могарыч,
И сам он честь горелке отдал.
«Директор» сел за стол несмело,—
Что ж, браться надобно за дело,
Иначе славу всю погубишь.
— Ну, Костусь, как?
Читать ты любишь? —
Спросил «директор», чтоб начать
С чего-нибудь и не молчать.
— Люблю, да только не умею,
Складов никак не одолею.
— Ну, это, брат ты мой, полгоря!
Склады читать начнешь ты вскоре!

Вот буквы — твердо надо знать,
А на склады уж наплевать,
Старанье — главная подмога,
Ума не надобно тут много!
А как Алесь? — Алесь учился,
Писать уже приноровился,—
Ответил Костусь тут за братца.
— Зачем же надо мной смеяться,—
Алесь вдруг отозвался с печки,—
Пишу я, как веслом по речке.
Коль что и знал, так позабыл.
Когда я буквы-то учил?
— Он буквы проходил с Лопатой,—
Вступился Костусь вновь за брата.—
Полгода был, не меньше, в школе,
Писал уж бойко «лес» и «поле»,
Потом «земля» и «ветер веет».
Нет, наш Алесь писать умеет!
— Ну, что писал, я это знаю,
Хоть сам подчас не прочитаю.

Коль речь зашла уж про науку,—
Алесь за балку сунул руку
И вынул старую тетрадь:
— Вот как умею малевать,
Каких я тут наставил птушек,
Каракуль разных, завитушек.
Вот это «поле», это — «лес»,
А тут я в буквы кляксой влез.
А вот записывал Антось —
Красиво пишет он небось!
Гляди-ка, можно подивиться!
Наверно, это летом было,
И он отметил про кобылу,
Когда ей надо жеребиться.—
Втроем тетрадь они читали

И все до строчки разобрали,
На этом хлопцы подружились
И с Яською разговорились,
Забыв о горестях своих.
И речь теперь пошла у них
О том, какой здесь угол славный,
И кто тут меж зверями главный.
Мальцам «директору» пришлося
Подробно рассказать про лося,
Какой большой он и рогатый!
Но сзади вроде худоватый,
И нет в нем ничего такого.
А впрямь — громада, право слово!
За ним шли волки и лисицы,
Потом и зайцы, и куницы,
И много всякой мелкоты —
Хорьки, и векши, и кроты.
Дивясь лесному населенью,
«Директор» слушал с изумленьем,
Как хлопцы барсука ловили,
Как с дядей на лисиц ходили,
Какой характер у зверей,
Кто злее всех и кто хитрей.
«Директор» ахал поневоле,
Хоть был четыре года в школе,
Потом, как бы даря гостинец,
Сказали Яське про зверинец,
И это был рассказ последний.

Зверинец — это заповедник,
В нем козы жили без помехи.
(То все, брат, панские потехи!)
Он обнесен был частоколом
Из бревен толстых и тяжелых,
Чтоб к козам волк не мог пробраться,
Ни прыгнуть вверх, ни подкопаться,

Да там не пролезал и крот!
Одним крылом зверинец тот
К дороге прямо прилегал,
Он много места занимал:
И луг, и лес, и часть русла.
(Ох, земляника ж там росла!
Ну, шапками таскали летом!)
Подальше — из еловых веток
Шалаш стоял, что твоя хата.
Паслось тут диких коз богато,
В былое — до Михала — время,
Да только вывелось их племя,
Все передохли, и сейчас
Одна лишь серна там паслась.
Да был козел еще при ней,
С рогами вроде двух ветвей...
И о козле бодливом этом
Ребята рассказали Яське
Историю занятней сказки,
Случившуюся прошлым летом.

Вот как беда произошла:
Коня в компанию козла
Пускали на ночь в тот зверинец.
И вот какой козел злочинец:
С конем он сразу подружился,
С ним даже рядом спать ложился.
И ходят вместе, и гуляют,
И вместе ночи коротают.
Ну, словом, сделались друзьями,
Играть друг с другом научились,
Но вот чем игры завершились:
Козел коня боднул рогами, —
Ударил во всю мочь нежданно,
И в животе коня две раны!..
Течет беседа их живая,

И Яська вдруг словцо вставляет,
Про то расспросит и про это,
Готовый слушать до рассвета.
Порой такие льются сказки,
Что все нутро дрожит у Яськи.
Когда же сумрак погустел —
За двери выйти он не смел,
А перед тем, как спать ложиться,
Пришлось к ребятам подольститься
Чтоб постояли у ворот,
Пока сведет с натурой счет.
Но вот пошли за печку спать,
Пришлось с собой и Яську брать.
Он лег меж ними, в середине,
Как мышь замолк, рукой не двинет,
Чтоб только с местом не расстаться.
— Ведь если с краю я засну,
С вас одеяло утяну,—
Он в оправданье молвил братцам.

ЗИМА В ПОРЕЧЬЕ

О годы детства! Вновь встает
Передо мной зимы приход.
Плывет над лесом шум дремотный,
По небу тучи, как полотна,
Холодный ветер расстилает
И белым дали укрывает.
И тихо-тихо возле дома.
И темный лес — такой знакомый —
Осенний гомон свой кончает
И молча зиму он встречает.
А в небесах все ниже тучи,
А снегопад — все ближе, гуще.
Уже над хатой, над овином

Снежинки весело играют
И сад и дворик устилают,
Ну, словно белою холстиной.
И тут тебя как подмывает —
Кожух на плечи сам взлетает,
Бежишь из хаты, как шальной,
И ног не чуешь под собой,
Кричишь — чего, и сам не знаешь —
И белый пух рукой хватаешь.
А глянешь вверх — пчелиным роем
Снуют снежинки над землею,
То разлетятся, то столкнутся
И будто в пары соберутся.
— О-го-го-го, брат! — дядя скажет.—
Видать, зима совсем уж ляжет.
За санки, Костусь, время браться,
Теперь уж есть где разгуляться!

И Костусь слушает, довольный,—
Пред ним открылся мир привольный
Для новых игр, забав и дел.
Наш Костусь словно опьянел:
Он весь горит, он весь смеется,
В снег упадет, перевернется...
А снег идет, а снег летит,
И лес молитвенно стоит,
Стоит, молчит и все светлеет,
Под чистым снегом веселеет.
Наутро встанешь — все так любо! —
Березы, клены — в новых шубах,
Бело, так чисто все вокруг,
Что больно глазу станет вдруг.
Столбы заборов, как солдаты,
Постали в ряд молодцевато —
Башлык высокий, шапки новы,—
«Ура!» — кричать тебе готовы.

А дядя выбрался из хаты
И разгребает снег лопатой,
Ведет к гумну и хлеву стежки,
Чтоб днем уж не было задержки:
Сегодня ж хочет наш Антоний
Пойти на речку и на тони.
Рыбак, каких теперь уж мало,
Он все о рыбе знал, бывало:
И как живет, и где плодится,
Что на приманку ей годится.
О жизни рыб, о рыбьих нравах
Он мог трактат прочесть бы, право,
Да так, что ты, развесив уши,
Его весь вечер будешь слушать.
И это не из книг прочтенных,
Не от панов полуученых,
Каких достаточно кругом,—
Он все познал своим умом.
Михал готовится тем часом —
Берет ружье, берет припасы:
Гуляют зайцы по дубравам —
Охота может быть на славу,
Тем боле, гончий пес хороший,—
Есть смысл пройтися по пороше.

Едва лишь утро наступило,
Как мать еду уже сварила.
Но все хозяйку подгоняют,—
Скорей на улицу желают,
Ударить — кто во что горазд.
А день такой, что — в самый раз.
— Михась, оставь ты Таксу дома:
Быть может, хорь сидит средь лома,—
Тут, видно, близко их дорога —
Следов я нынче видел много...—
И на хорей был дядя падок,

А хорь теперь — и сыт и гладок.
И в Свержне, в лавке, в пять минут
С руками шкурку оторвут.
А Такса нюх такой имела,
Что, чуя хоря, так и млела.
— Ну, что ж, оставь ее на счастье,—
Отец дает свое согласье.
И Таксу тут же вводят в дом,—
Сивалка в лес пойдет с отцом.
Отец выходит в путь знакомый —
Месить снега по бурелому.
И дядя тоже не зевает
И молча Костусю кивает,
А Костусь ждет, давно готовый,—
Меж ними раньше был уж сговор
Сходить в луга на озерины
И потревожить род хориный,
На речке загородь поправить
И новый нерет там поставить.
За пояс дядя затыкает
Топорик свой и Таксу кличет,
Кусок оладьи в нос ей тычет
И вон из хаты выпускает.
А Костусь с торбой и лопатой
Их ждет давно уже за хатой.
Заметив Владю у сарая,
Антось корит его, ругая,
Что он лишь до блинов охочий,
За домом же следить не хочет.
Но ведь его не переспоришь,
Хоть мал парнишка, да задорист.
Порою дядя разгорится,
В вихор готов ему вцепиться
И проучить его как нужно —
Что будешь делать с непослушным?
Пошел он, сплюнувши сердито,

И зацепился за корыто,—
Смеется звонко Владя вслед.
— Поскаль мне зубы, пистолет!
Вот как вернусь — задам уж трепку,
Утру тебе, лентяю, кнопку...
Что ни скажи — он все напротив.
Наесться б только, а к работе
Охоты нет в тебе, бесенок!
Все в лес глядишь, как тот волчонок.
Теперь не бублик, не конфету,
А шиш получишь ты вот этот,—
Бубнит Антось уж сам с собою,
Шагая снежною тропою.
И долго Владю он ругает,
А Костусь это понимает:
Он сам сердит на брата Владю,
За что, негодный, злит он дядю?
А дядя — поле только минет,
Глядишь — и гнев его остынет.
Задрала Такса хвост трубою,
Бежит, довольная собою.
То по кустам она промчится,
То станет вдруг, насторожится,
Поднимет уши, ожидает —
Свой нос ушами проверяет,
И будто вся в тот миг застынет
И даже лапу приподнимет.
А дядя Таксу подгоняет:
— Ищи хоря! Ищи, лихая! —
И Такса кинется стрелою
Туда, где тесной чередою
Стоят олешины кривые, —
Под их коряги потайные.
Под ними — много раз бывало —
Зверька собака открывала.
Тут все в движение приходит,

И Такса места не находит:
Визжит, царапает и лает, —
Мол, есть добыча, — объявляет.
А дядя словно на винтах,
Ну, так и носится в кустах.
Туда взглянет, сюда метнется, —
На части прямо дядя рвется!
— Ты тут, брат, стой! Гляди по чести,—
Он тут, голубчик, в этом месте!
Не пропусти, не дай, брат, маху —
Вали лопатою без страху!..—
И кончить он не успевает,
В одно мгновенье кол хватает:
— Хорь! Хорь! Держи! — и весь дрожит,
В горячке за зверьком бежит,
И вот уж хоря догоняет,
И кол высоко поднимает.
За дядькой Костусь — что есть духу:
— Держи его! Держи, зверюгу! —
И бедный хорь в кусты забился,
Ощерил зубы, разозлился.
Он сам на Таксу нападает,
Ей нос царапает, кусает,
Пищит, дерется, смрад пускает,
Но ничего не помогает.
— Пришла, брат, к нам удача наша! —
И дядя рад, он чуть не пляшет,
И с нежным словом гладит ушки
Собачке славной, как дочушке.
Она ж за то простое слово
На смерть, на все пойти готова.
Она хвостом виляет, водит
И с дяди глаз своих не сводит.
Хоть не охотник дядя был,
Но все ж на дичь порой ходил.
Я дни отлично помню эти,

Когда, бывало, на рассвете
Он в лес задумает пойти —
Немного зайцев потрясти.
А зайцев этих было вволю.

И вот в какой-то праздник, что ли,
Антось готовится в поход,
Приказы хлопцам отдает,
Хоть и без всяких приказаний
Они готовы все заране,
А наш «директор» особливо,
И в лес сбираются шумливо.
— Трещоток нету — вот досадно! —
Заметит дядя.— Впрочем, ладно:
Мы шум да гвалт и без трещоток
На весь поднимем околоток,
Уж зададим мы зайцам гонку! —
И дал «директору» заслонку:
— Сади по ней что хватит силы,
Чтобы она заголосила
Всем косоглазым на беду! —
Алесю дал сковороду, —
Она давно уж прогорела,
Но очень здорово гремела.
— Бери-ка рашпиль с рукояткой
И бей по ней во все лопатки!
А Костусю я дам звонок,
А ты, большун, труби в рожок!
Такое справим мы игрище,
Что лес застонет и засвищет,
Мертвец и тот проснется, право,
Когда пойдет у нас облава.

И вот идут путем недлинным,
Антось заране все прикинул —
В каких местах начать работу,

Как повести ему охоту,
Куда косых ловчей сгонять
И где он будет сам стоять.
И дядя место занимает,
Минут счастливых ожидает.
Лесные тихие хоромы
Проснулись вдруг от шума, грома,
Все заходило ходуном —
Такая музыка кругом!
«Директор» так в заслонку бил,
Что два дрючка переломил,
И все же снова бьет, как может,
И гвалт такой — спаси нас, боже!
За пень он лаптем зацепился
И смолк тогда лишь, как свалился.
Алесь гремит сковородой
И, словно бы артист какой,
На ней выделывает штучки.
Но рашпиль выскочил из ручки
И где-то запропал в снегу.
А зайцы, черти, — ни гу-гу!

Стрелять Антосю не пришлось,
И все же весел наш Антось:
— Забили зайца, не забили,
Однако ж шуму натворили!

НА РЕЧКЕ

Никто в родном дому не знает,
Чем речка Костуся прельщает,
Какая их связала сила
И чем река его пленила.
Лишь день, бывало, тьму развеет

И лес немного посветлеет,
А он, глядишь, уже идет
И пробует ногами лед.
То побежит, то поскользнется,
То без причины засмеется,
То остановится он вдруг —
И все так радостно вокруг!
Ледок трещит, ворчит и гнется —
Вот-вот надломится, сдается.
Но хлопцу это все знакомо
И не страшны ему надломы —
Полоски эти лучевые,—
Крепки устои ледяные.

Все толще лед. Мороз крепчает,
Река надолго замирает.
До дна промерзла вся вода
И нет ей ходу никуда.
Однакож, нет! Живую силу
Не можешь ты загнать в могилу,
Мороз безжалостный и лютый!
Пусть крепко ты накинул путы,
Пусть под твоим теперь надзором
Ручьи, и реки, и озера,
Пусть ты рассыпался снегами
Над чистым полем, над лугами,
Но как ни злишься, ни шалеешь,
А жизни все ж не одолеешь!
Глянь, сквозь оковы ледяные
Пробились капельки живые,
Они сдаваться не желают
И лед все больше заливают.
И правда: малая река,
Хоть неказиста и мелка,
Однакож сила в ней такая,
Что кверху лед приподнимает

И порет с треском, как холстину.
«Нет, врешь, морозко, я не сгину!
Мы и под крышей ледяною
Еще поборемся с тобою!» —
Как бы бросает смело, звонко
Морозу вызов свой речонка.
И на речушке той зимою
Между морозом и водою
Дела большие возникают,
И это хлопца привлекает.
Когда на речку он придет —
Всегда здесь новости найдет:
То лед, поднявшися горбами,
Гудит, как бубен, под ногами,
То опадет, то изогнется,
На дно провалится, зальется,
А по кустам прибрежным споро,
Сломав тиски и все запоры,
Вода, играя, устремится,
И снег весь в кашу превратится.
И как ни гнет мороз, ни гладит,
С водой никак не может сладить.
И чуть он только ослабеет,
Чуть передышкою повеет,
Глядишь, водица лед слизала,
Во рву песочек показала.
Волна стремится за волною
Все дальше, дальше, как весною,
Пока мороз не взбеленится
И, сил набравшись, не решится
Вновь заковать ручей проворный
За нрав упрямый, непокорный.

А иногда придет с угрозой
Мороз, владыка всех морозов,
Сердитый, злой идет, шагает,

Ворчит, скрипит, трещит, стреляет;
И словно облако над ним —
Весь в завитушках, белый дым.
Мороз порою вдруг рванется —
Как ухарь-писарь расчеркнется.
А как он окна разрисует,
Каких чудес он там запустит!
В таких делах любой искусник
Не устоит пред ним, спасует.
Мороз — шутник. Он шутки любит,
Играючи, нередко губит
Того, кто в руки попадется,—
Еще над ним и насмеется:
«Приляг, приляг, бедняк усталый,
Тебе идти еще немало,—
Он шепчет в уши, напевая,—
Постель готова пуховая —
Вся белотканная такая!
Забудь о доле, о постылой,
Засни — и вновь прибудет силы.
Я сладкий сон тебе навею.
Чудесной сказкою согрею».
И кто поверит уговорам,
Заснет навеки очень скоро
Под сенью звезд в снегу глубоком,
На той тропинке одинокой.
Мороз — мастак. Он всюду ходит.
На небе ровный столп возводит.
И этот столп горит и блещет —
Высокий, огненный, зловещий.
Мороз на небе ставит троны,
Он мастерит венцы-короны
И ими месяц украшает;
По снегу звезды рассыпает;
Красиво, тонко и умело
Он ткет убор березе белой,

Как той невесте для венчанья.
И лишь над лесом солнце встанет
И на березу эту глянет,
На ней засветятся лучи
Светлей алмазов и парчи.

Мороз надменен, как вельможа,
Терпеть он вольностей не может:
В тот час, когда он сам гуляет,
По небу тучка не блуждает,
Живое все вокруг немеет
И даже ветер дуть не смеет.
Все тихо, мертво, неподвижно,
Зверей не видно и не слышно,
Ворона клюв не раскрывает,
Земля таится, выжидает,—
Когда же кончится напасть,
Мороза-сумасброда власть?
И воробей со всей роднею
Сидит, укрывшись под стрехою.
Мороз в кулак берет округу,
Как царь идет по полю, лугу.
И лес под тяжестью такой
Застыл, стоит, как омертвелый,
Башлык надевши чистый, белый,
Поникнув буйной головой.
И лишь мороз, собой довольный,
Хозяин строгий, своевольный,
Гремит по лесу по всему,
Что нет владык подстать ему!

Зазнался, ой, мороз, зазнался!
Да день еще не начинался,
Постой, постой, старик, хвалиться!
Кой-кто тебя не побоится...
Лишь только звезды потускнели,

Как в хате двери заскрипели,
Потом колодцы и ворота,—
Начался день, пошла работа.
Идут к колодцу молодицы,
Как маков цвет, горят их лица,
С куделью девушка бежит,
За нею хлопец вслед спешит,
И смех, и говор раздается,—
Откуда только все берется!
Вот погреб дверью хлопнул глухо,—
Идет с корзиною старуха,
Лучину ею прикрывает
И жаром холод выгоняет.
А там мужчины уж проснулись,
В сарай за сеном потянулись.
Идут да щеки потирают,
Мороз и хвалят и ругают
И, дома справившись с делами,
В лес отправляются с санями:
Рубить, пилить, возить колоды —
Лежать на печке нету моды.
И хоть мороз стоит трескучий,
Хватает ноги сквозь онучи,
Скрипит, грозится, негодует,—
Мужик живет и в ус не дует.
С саней соскочит, щелкнет пугой,
И, обругав коня «дерюгой»,
Бежит, о плечи бьет руками,
О землю топает ногами.
Так до тех пор себя он греет,
Покуда лоб его вспотеет...
Слезал уж с печки Костусь мой,
Слезал он раз, потом другой.
В окно глядел и сам дивился:
Особый мир ему открылся.
На стеклах все снопы ржаные,

Цветы и травы полевые,
И все горит, и все сверкает,
Как будто лето наступает.
А с ним — видения другие
Вставали, сердцу дорогие.
Вот тут лесок, вот крест унылый
Стоит, как сторож, над могилой.
Он почернел и наклонился,
Как будто бы о ком молился,
А там речушка тихо льется,
И над водою верба гнется.
Все так знакомо, так пригоже
И так на правду все похоже,
Что хлопец сразу забывает,
Где он и что тут наблюдает...

— Довольно там тебе стоять,
Не то простудишься опять! —
Мать беспокоится о нем,
А хлопцу уж наскучил дом,
Сидеть на печке надоело.
Теперь на речку б — то ли дело!
А тут еще — ну, как на грех —
Лишь дядя вышел вон, на снег,
Мороз тотчас же примостился,
И белым пухом ус покрылся.
И всяк, кто в хату ни заходит,
Все о морозе речь заводит:
— Ну и мороз! Аж нос срывает,
А на восходе все играет,—
Столбы на небе повставали,
Как бы пожары запылали.
Дела такие в свете божьем! —
Нет, тут сдержаться невозможно.
На печке Костусь притаился,
Обуться в лапти умудрился.

А лапти старенькие были —
Дорог немало исходили.
Тишком оделся он, собрался
И в лес с топориком помчался.
А лес задумался, молчит,
Весь белый, тихо он стоит,
Над речкой ветви простирая,
Ее как крышей закрывая.
А тут же елочки-малышки,
Как на картинке в некой книжке,
Под белым пухом чуть заметны.
Но как милы они, приветны!
У старой ели стали в ряд
Семьею маленьких внучат.
А вон сосенки молодые
Стоят, как сироты какие:
От снега выгнулись дугою,
К земле склонились головою.
«Знать, тяжко вам — согнул вас снег,
Как будто вы несчастней всех»,—
Над ними Костусь размышляет,
И сердце жалость обжигает.
И Костусь тут же к ним бежит,
Тяжелый снег стряхнуть спешит.
Сосенки сразу оживают
И вверх макушки поднимают.
Сперва чуть-чуть, боятся словно,
Потом встают легко и ровно.
А хлопец, радуясь, смеется,
Стоит, глядит — не шелохнется, —
В ребячьи думы погружен,
Как будто видит сказку-сон!

Однако ж время и за дело!
И он идет на речку смело.
Она застыла меж кустами;

Березы голыми ветвями
Сплелись с олешником над нею,
И ели рослые, темнея,
Нависли густо шалашами.
Вот и упавшая сосна,—
Давно свалилася она,—
Знать, буря бедную сломила
И через речку положила.
А лед тяжелый, мутно-синий,
Приподнятый посередине,
Все придавил и так налег,
Чтоб даже малый ручеек
Из-под него не просочился.
Тут Костусь наш остановился.
Глядит на лед, соображает
И свой топорик в ход пускает.
Ледок подался, покорился,
Он на кусочки развалился;
Летят крупинки ледяные,
Как будто блестки дождевые.
По льду бегут речные воды,
Шумят, почуявши свободу.
Река течет, река живет...
Однако что же там поет?
Что там за музыка несется,
Чья песня прямо в душу льется?
Откуда, право, звуки эти?
Никто не сможет в целом свете
Сложить подобного мотива.
Быть может, лес сложил то диво?
Или проснулась даль немая,
Молчанье песней нарушая?
Иль небо вдруг себя раскрыло
И что-то тихо говорило
Земле, полям ее, лесам?
Иль то весна подходит к нам?

А песня длится, звон плывет,
Не жаворонок ли поет?
И по бескрайнему простору
Той песне вторят птичьи хоры,
И в море этих звуков дивных
Волной чудесной, переливной
Песнь соловьиная несется...
Огнем горит душа у хлопца.
В минуты радостные эти
Он забывает все на свете.
И хоть давно уже он знает,
Откуда песня возникает,
Но лишь прислушается к пенью,
Опять берут его сомненья:
Ужели иней так с водою
Свой разговор ведут зимою?
Так вот в чем речки этой сила,
Вот чем она его пленила!

ТАИНСТВЕННЫЕ ЗВУКИ

В ином году, в мороз суровый,
Когда весь мир, сдается, скован
И все под снегом коченеет —
Нежданно вдруг теплом повеет.
Погонит тучи ветер южный,
Польется дождик крупный, дружный,
Идет он, с крыш ручьем стекает
И снег, как говорят, съедает.
Лес, сбросив зимний свой убор,
Другой заводит разговор
Под помутневшим небосклоном,
И хорохорятся вороны:
«Грязь! Грязь! Весна!» — кричат, взывают,

Как будто впрямь весну встречают.
В кустах ольховых, под горою,
Ручей волнистой полосою
На свет явился, лед пробил,
И зашумел, заговорил.
И косогоры облысели,
И рвы водою заблестели.
Вода поет во всех лощинах,
И вздулся лед на озеринах.
Дороги почернели сразу,
И всюду — сколько видно глазу —
Луга затоплены водою,
Как может только быть весною.
Но это все — игра, забава,—
Зима тепла не любит, право,
Она свое всегда возьмет,—
Так забушует, запоет,
Так ветер круто заиграет,
Что прямо с ног тебя сбивает.
И воют в поле завирухи,
Как перед гробом молодухи,
Лес белым снегом покрывают,
Вокруг сугробы наметают.
Вороны сразу станут тише,
Они летят поближе к крыше,
Дрожат, голодные, и стынут,
И даже клюва не разинут.
Опять деревья запушились
И снегом «лысины» покрылись.
Ручьи и речки смолкли снова
Под гнетом зимнего покрова.
Лед на лугах стеклом сверкает,
И редко солнышко гуляет.

Настанет ночь. Повсюду тихо,
Завоет разве где волчиха,

Да гонт на крыше затрещит,
И все опять кругом молчит...
Но что же это? Что за звуки?
Откуда это? Чьи там руки
Бьют тяжким молотом во мгле,
Как конь копытом по земле?
Какой там трудится кузнец,
И что кует он, наконец?
Стоишь, поводишь головою,
А луг гудит, гремит и воет;
То треск послышится средь ночи —
Такой, что, кажется, хохочет
Сам черт рогатый средь болота;
То завизжит, застонет кто-то,
То вдруг закашляет, залает,—
Стоишь, и сердце замирает.
«Гу-гу!» — и воздух содрогнется,
«Бах-бах» — над лугом пронесется
И по лесу заходит эхом;
То засмеется диким смехом,
То загрохочет, то засвищет —
Ночное чертово игрище!
Вдоль всей реки, по самый Неман,
И впрямь какой-то ходит демон
Всю ночь до самого рассвета! —
И жутко, и занятно это.

А ночь тиха. И в бездне темной,
В пустыне страшной и безмолвной.
Сверкают звезды молодые,
Как будто бусы дорогие.
То в одиночку, то гурьбою
Плывут они над головою,
То станут в ряд, сойдутся в круг,
Бросая лепестки вокруг.
Они горят, живут, играют,

Как будто чьи глаза мигают.
Порой же с неба в тьму ночную,
Чертя дорожку огневую,
Слетит падучая звезда
И вмиг исчезнет навсегда.
Когда шатер ночной, богатый
Раскинет небо над землею,
Веселой шумною гурьбою
Выходят хлопцы вон из хаты.
— Стой! Тише там! Шуметь не смейте!..
Ой, что же деется на свете? —
И хлопцы сразу затихают
И на Алеся взгляд бросают;
Но наш Алесь стоит безмолвный,
И сам он, удивленья полный,
Мгновенно руку поднимает:
— Вот! Вот! Вы слышите? Стреляет!..
— Что ж это, хлопцы? Вот так диво! —
«Директор» шепчет боязливо.—
Ужель Несвиж из пушек бьет? —
И Яська в дом бежит, орет:
— Сюда, сюда, эй, дядя, тетя!
Да что ж вы, право, не идете?
Идите быстренько, идите!
Что тут творится — поглядите! —
И так он охал, так он звал,
Что в хате всех перепугал.
— Нет у меня к тебе, брат, веры,
Хватаешь часто выше меры,—
Антось на это отозвался,
Но все же со скамьи поднялся
И натянул кожух на плечи;
И мать тотчас же прялку к печи,
Работу бросив, прислонила
И за Антосем поспешила.
Стоят и смотрят молчаливо

И ухом ловят — что за диво? —
Как будто выпь бубнит в болоте
Иль по кадушке черт колотит.
— Ну что, услышали? Что это? —
«Директор» тихо вопрошает,
И страх беднягу пробирает.
— Эх, Яська, брат, идет комета, —
Пропали мы, кончина света! —
Сказал Антось, шутливо плача. —
Ох, Яська, Ясь, погиб ты, значит.
Не повстречаешься с родными,
Навек теперь прощайся с ними,
Их видеть больше не надейся...
— Нет, дядя, что это? Не смейся! —
Антося хлопцы обступили
И разом все заговорили.
— Идемте в хату! — молвит мать. —
Уж лучше в хате помирать. —
И хлопцы видят — промахнулись,
Ошиблись в чем-то, обманулись,
Но в чем — узнать им интересно,
Пока же это неизвестно.
Антось идет и лишь хохочет,
Он сразу объяснить не хочет:
Порой любил Антось, признаться,
Над Яськой малость посмеяться.
А хлопцы думали, гадали
И в ход все способы пускали,
Чтоб разузнать, что там за сила,
Но ничего не выходило.
— Ну, дядя, хватит насмехаться:
Самим нам трудно догадаться,
Скажи, откуда эти звуки?
— А ты же знаешь все науки,
Напихан ими до отказа
И знать про все ты сам обязан.

Какой же ты «директор», друже,
Выходит, что мудрец не дюжий,
Тем боле, что предмет несложен...
Ну, кто «директору» поможет? —
С улыбкой дядя продолжает: —
Быть может, Костусь отгадает...
А ну-ка, постарайся, Костусь,
Тут дело очень-очень просто. —
И все взглянули на того,
Но он мотнул лишь головой.
— Да ты смелей! Чего стесняться? —
Ведь ты ж охоч по льду кататься...
— А чтоб вы, дурни, все сгорели! —
Тут батька вдруг сказал с постели.
Он там дремал, теперь поднялся
И в общий разговор вмешался,
У теплой печки ставши сбоку:
— Ох, вижу, в вас не много проку, —
Такую глупость не понять!
Вам по затылку б надавать,
Тогда бы поняли небось,
Что и откудова взялось! —
Носы ребята опустили,
Сидит «директор», как на шиле, —
Вот уж заноза, так заноза!
— Да это ж лед трещит с мороза! —
Алесь и Костусь вдруг вскричали
И тайну звуков разгадали.
У батьки гнев сошел на милость,
Лицо мгновенно прояснилось.
— Вот молодцы!.. А вы-то... эх!
Меньшие вас побили... Смех!
Один — большун, другой — учитель.
«Директор» — всех наук рачитель.
Эх, срам какой! — журит их дядя,
И только хмурит брови Владя.

— По пустякам какая ж стать
Была мне голову ломать?
— Ну, ты — великий Соломон,
Во всех науках, брат, силен!
А если так — скажи-ка вот:
С чего трещит надземный лед? —
Другая выплыла задача,
Потеет Яська, чуть не плачет,
Ответить хочет и боится
При всех позорно провалиться.
И Владя очи опускает.
— А штука, видите, такая, —
Сам дядя начал вдруг рассказ: —
Был, значит, паводок у нас,
Вода повсюду разлилася
И крепким льдом потом взялася.
Мороз ударил, и тогда
Вода ушла из-подо льда,
И над землею лед повис,
Теперь и падает он вниз,
И только глыба упадет —
Такой тут шум и гром пойдет,
Ну, словно — пушки в самом деле...
А что, теперь уразумели?
— Я это знал,— Ясь отозвался, —
Да только высказать боялся.
— Я — тоже,— Владя отвечал.
— А ты бы лучше помолчал,—
Отец на Владю напустился,—
Совсем ты, хлопец, обленился!
С тебя не будет, видно, проку,
Уйдешь ты в жизни недалеко:
С твоей наукой — видно сразу —
Всю жизнь ты будешь коломазом [1].

---

[1] Коломаз — смазчик колес.

— Что ж, и колеса мажут люди,—
За это тоже плата будет! —
Спокойно Владя отвечает
И смех всеобщий вызывает...
— А у меня вопрос есть тоже,—
Кто на него ответить может? —
Внезапно Костусь речь заводит
И тем отцовский гнев отводит.—
Бывает, с неба иногда
Слетит падучая звезда,
Мелькнет на миг — светла, ясна,—
Куда ж девается она?
И до земли не долетает,
Над нею где-то пропадает.—
Отец и дядя замолчали,
Что отвечать ему, не знали.
— Ага! — тут хлопцы подхватили.—
И мы вас тоже прищемили!
— Да что сказать на твой вопрос?
Какой нам толк от этих звезд?
Звезда мелькнула и пропала,
Но нам с того корысти мало,—
Таким ответил батька словом.—
Явленье это, брат, не ново,
Частенько звездочки мелькают,
А где, сгорая, пропадают —
То, несомненно, тайна божья,
И знать ее никто не может:
Ведь выше головы не прыгнешь
И той науки не постигнешь.
— Нет, почему ж? Постигнуть можно,—
Вмешался дядя осторожно: —
Все может объяснить наука,
Что астрономией зовется,—
Что, как, откудова берется.
Замысловатая то штука.

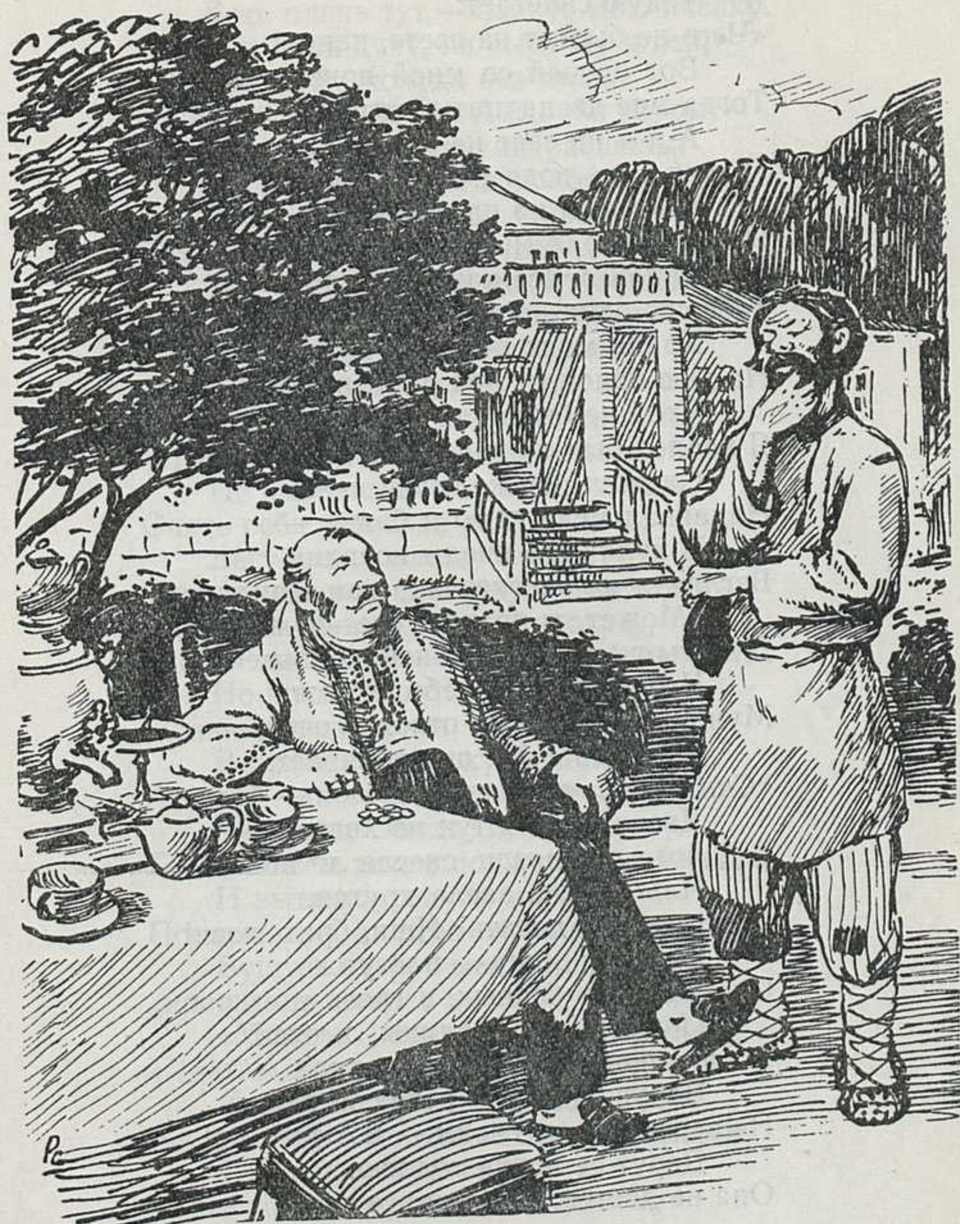
И вы, коль будете учиться,
Ответа можете добиться.
Когда ходил я в школу сам,
То, помню, на уроках там
О звездах много говорилось,
Но все теперь перезабылось...
— И я,— в беседу мать вмешалась,—
Сказать хотела, да боялась:
С тех давних пор, с тех самых лет,
Когда был создан белый свет,
Дал человеку на роду
Небесный бог свою звезду.
Она житьем руководит
И за судьбой людской следит,
Когда же душу бог возьмет,
Звезда тотчас и упадет.
И небо слух к земле приклонит,
И ангел вдруг слезу уронит.
Когда годов мне было мало,
То вечерами дед, бывало,
Об этих звездочках не раз
Среди детишек вел рассказ.
Он говорил: «Коли кто сможет,
Пока не сгибла служка божья,
В момент падения ее,
Сказать желание свое,
То бог исполнит то желанье!» —
И хлопцам это толкованье
Всех больше по сердцу пришлось
И в их душе отозвалось.
Их мир увлек необычайный
И глубиной своей и тайной.

1923 г.

ДОНЯЛ

(Старая белорусская сказка)

Жил-был пан, до сказок охочий;
Вот раз мужика он зазвал
И, с хитростью глянувши в очи,
На добрый ларец указал:
«Гляди, человече,— дукаты;
Все будут твоими зараз,
Коль сказкой потешишь богатой,
Что я не слыхал отродясь.
При этом — чтоб правды ни слова,
И ежели крикну я: «Врешь!» —
Тогда уж — такое условье —
Ты деньги с собой заберешь.
Промажешь — конец твоей чести,
Холопом умрешь в кабале».
Мужик был рассказчик известный
Аж в самом берложьем селе.
Взглянул на червонцы
Наш сказочник косо,—
Как вырвать у пана
Их все из-под носа?
Как славу свою
Не сгубить, не убавить,
А пана хитрющего
В дурнях оставить?
Ну, что же, осмелюсь,
Судьбу испытаю!
И он небылицу

Такую сплетает:
«Чего не бывает на свете, панок!
Вот случай со мной приключился:
Тогда мне двенадцатый стукнул годок,
А я и на свет не родился,—
Пошел я по людям. Меня богатей
Поставил на пасеку летом
И так наказал мне: «Гляди же, Матвей,
Запомни все накрепко это:
Тебе сто один поручается рой,—
Храни моих пчелок с душою,
На дню подои их два раза, построй,—
Чтоб не было зла ни с одною!»
Я хлопец был смирный, аж тише воды,
Служил, не жалеючи силы,
Надаивал меду чаны и бадьи,—
В кулях его пчелы носили».
Взглянул на рассказчика пан Доминик:
«Может, и правда, свет-то велик».—
Дукаты же манят сильней и сильней,
Что звезды на небе играют;
Мужик от ларца не отводит очей,—
Богатство! Аж дух замирает.
«Считаю раз под вечер пчелок — беда!
Двенадцати штук не хватает,—
В болоте ль увязли, снесла ли вода,
Иль стежка заела крутая.
Чего же мне делать? Ищи, брат, лови!
Бегу я и вижу — плетутся
Одиннадцать бедных, в грязи и в крови,
И слезы, как градины, льются.
А где же еще моя пчелка одна?
Вдруг слышу — ревет за рекою.
Не верю глазам своим,— вот тебе на! —
Дерут ее волки толпою.
Она не дается, а волки все злей.

Хоть плачь тут,— порвут мою пчелку.
Бегу, что есть духу, на выручку к ней,
Кричу, но покуда без толку.
Примчался я к речке. А где же паром?
Стою — ни плота, ни расшивы.
Не думаю долго, иду напролом,—
Хватаю за чуб себя живо,
Башку раскачал я, как тыкву, рукой
И — гоп-ля! — за речку кидаю,
На берег другой пролетаю стрелой,
И в землю по грудь оседаю».
А пан будто верит всему напрямик:
«Может, и правда, свет-то велик».—
«И так я, и эдак,— не выскочишь, брат,
Не вырвешься здесь без лопаты.
Опять себя кинул за речку назад,
Бегу сломя голову в хату.
Бегу перелеском и слышу — в дупле
Зажаренный голубь воркует,
А есть мне охота — аж пуп заболел,
Но время терять не могу я.
Однако не вытерпел, лезу на дуб,
В дупло свою руку толкаю;
Ан нет — ни рука, ни нога и ни зуб
Не лезут. Обида какая!
Тогда я всем телом подался, залез
И вытянул голубя мигом.
Послушал — от рева пчелиного лес
Бушует вокруг меня дико».
А пан лишь кивает да чешет кадык:
«Может, и правда, свет-то велик». —
«Хватаю лопату, за речку бегом,
Себя из земли вынимаю,
На помощь к бедняжке лечу прямиком,
Гоню окаянную стаю.
И что же? Разорвана пчелка моя,

Лежит на земле чуть живая.
«Эх, горькое горе! — расплакался я. —
Пришла, знать, судьбина лихая!
Не жить ей на свете!» Махнул я ножом
По горлу, и кончилась цыпа.
Двенадцать кадушек пчелиным добром
Набил я и солью засыпал».
А пан удивляться как будто отвык:
«Может, и правда, свет-то велик». —
«Я пчелкино мясо доставил домой
И лег отдохнуть уж под утро.
Да нет, не приходит желанный покой:
Скелет-то пчелиный не убран!
Осмотрятся люди — прибита трава,
Валяются роги да ноги,
Бранить меня станут. Я молча — раз-два! —
Обулся — и снова в дороге.
Пришел, потоптался, беру тот скелет, —
Дай, думаю, в речку закину.
Кряхтя, поднимаю, — а пчелкин хребет
Уперся аж в небо ребриной.
Я глянул, приладил скелет к облакам...
А что, если к богу податься?
Не худо проведать, чем заняты там!
И начал по ребрам взбираться.
Добрался не скоро, ступил на порог,
Гляжу — и сады и палаты,
С клюкой ковыляет тропинкою бог,
Идет к пресвятой своей мати.
На лавки из сахара сели за стол,
Их тенью береза венчает.
Господь вдруг ударил клюкою об пол:
«А может, в козла кто сыграет?» —
Я вслушался — рядом совсем, за стеной,
Поют преподобные песни.
Иду потихоньку — не смотрят за мной,

Хоть ты тут умри и воскресни!
А там, как на ярмарке, — пьянство, шабаш,
Закуску подносят тазами.
Два лысых пророка, Лисей и Гальяш,
Пьют бражку святую ковшами,
Юзефа, Барбара и Ганна, втроем,
Подкрасили брови, завились,
«Лявониху» шпарят, аж ветер кругом;
Рох с Юрьем вприсядку пустились.
Апостолы ж Петр, Кузьма и Демьян
Поют удалые частушки.
Угодник Микола давно уже пьян, —
Уткнулся без памяти в стружки,
И шапка свалилась, окурков полна.
Я цоп ее тут же и — драла.
Добрался до выхода, — вот тебе на! —
Хребтина пчелы запропала...»
А пан свое тянет, упершись, как бык:
«Может, и правда, свет-то велик». —
«Ну, как мне спуститься на землю домой?
А прыгать не очень-то ловко.
Вдруг вижу — под боком опилки горой,
Решаю: сплету-ка веревку.
Скрутил, сколько можно, зачалил за рай,
Да в спешке не высчитал малость, —
Гляжу с поднебесья — далече мой край,
Веревка мала оказалась.
Ну, что станешь делать? Я ножиком — чик!
Побольше кусок отрезаю,
Вяжу его снизу... Кулдык да кулдык, —
Вот так и к земле доползаю».
А пан не смущается, черт, ни на миг:
«Может, и правда, свет-то велик». —
«Я встал, огляделся. Эх, брат, кутерьма, —
Не сплю, а как будто бы снится:
Земля, да не наша! Такого дерьма

Не видели пахарь и жница.
Уныло, голо. Ни воды, ни осин...
Лишь стадо свиное пасется,
Да кто-то стоит разнесчастный один,
Согнулся, от стужи трясется.
Замусленный, грязный, нищей бедняка,
В руке у него кнутовище,
Торчит из-под сальных махров колпака
Облупленный сизый носище.
Вгляделся я лучше — знакомый никак!
И пуговки те ж на кафтане.
Да это ж не просто пастух и вахлак, —
Покойник, папаша твой, пане!!!»
И пан подскочил, будто сел на ежа:
«Не может быть, врешь ты, холопья душа!»

1938 г.

РАК-УСАЧ

I

Ну, начнем мы сказку так:
Жил да был на свете рак,
С длинными усищами,
С черными глазищами —
Зыркает лупастыми,
Лапами грабастая.
Шея — шире не найдешь,
Клешни — глянешь, кинет в дрожь!
А как усом поведет —
Все как есть в реке замрет!

Рыбки хвостиком вильнут,
Да головками кивнут
И скорее стрекача
От рачища-усача.
А он шеищей чок-чок:
Лягушонок в тину — скок,
Затаился и — молчок.

Страшный рак был, грозный рак,
Как ухватит — будет знак,
В целом свете никого
Не боялись, как его.

Под корягою ракиты
Жил тот рак — усач сердитый.

Про него у нас в народе
С давних лет загадка ходит:
Живет в келье,
Как отшельник,
На нем свитка, да не сшита,
Хоть портной, да не Микита.
Входит в баню кочегаром,
А выходит — пышет жаром.

II

Хорошо на речке летом!
И чего здесь только нет!
Там глядит малина с веток,
Там смородина в три цвета
Заслоняет белый свет,
И лоза там, и ракита,
И осока, и камыш —
Словно бархатом обиты
Берега, как поглядишь!
Ну, а разных птиц — без счета:
Утка, чибис и бекас,
Аист, шествуя с охоты,
От души — была б охота —
Угостит лягушкой вас.
Тут живет комар-звонарь,
Всех болот окрестных царь,
Длинонос и длинноног,
Хоть пискляв, но очень строг.
А в траве, меж тростников, —
Сколько разных мотыльков,
Синих бабочек и черных,
В платьях бархатных узорных!
Их наряд — бьюсь об заклад —
Сон отнял бы у девчат.

Весело на речке
И в траве кузнечику,
И крылатым пташкам,
Мошкам и букашкам,
Непоседам-деткам,
Резвым малолеткам:
Целый день купаются
Да в песке валяются.

III

Ой, беда, беда!
Мутная вода —
Помрачнела речка:
Стал невесел рак,
Затужил — да так,
Что глядит овечкой;
От тоски-невзгоды
Лег на дно колодой,
Смотрит из норы.
Бедному чуть дышится,
И не ест яичницы —
Лягушечьей икры,
Растопырил клешни,
Вымолвил, сердечный:
— Ох, как тяжко жить! —
Окунь подплывает,
Рака упрекает:
— Хватит тебе ныть!
Образумься, друже,
Не горюй ты дюже,
Будь повеселей,
Изведешься с голоду,
Пропадешь ты смолоду,

Нас хоть пожалей!
А как светит солнышко,
В речку аж до донышка
Проникает луч,
Ласковый, горяченький.
Не кручинься, раченька,
Зря себя не мучь!
Хмурый, неприветливый,
Ты не видишь светлого
Летнего денька.

Опустил рак очи,
Даже и не хочет
Слушать окунька.

Подплыла плотичка,
Рыбка-невеличка.
— Что с тобою, милый?
Что тебя тревожит,
Сердце твое гложет,
Отнимает силы?
Тяжко жить? А рыбы
Что сказать должны бы
О своей судьбе?
Удочки да сети —
Просто жить на свете
Не дают тебе.
Всякой этой снасти
Развелось до страсти,
Просто ох-ох-ох! —
Тянут неводами,
Душат вентерями,
Уж на что горох —
Так и тот приманкой
Бросят спозаранку,
Ешь, и невдомек,

Что и здесь засада:
Следом за привадой
Ждет тебя крючок.
Ой, житье не праздник:
Мало горя разве?
Ну, а все ж живем.
Успокойся, раче,
Даже речка плачет
Над своим сынком...

Рак в ответ ни слова,
Будто заколдован...

IV

Грозный сом дает наказ:
— Скликать сходку
В тот же час
И на сходке обсудить —
Чем тут горю пособить,
Как утешить черного
Рака непокорного.
Не простая это штука, —
Будешь старостою, щука!
Чтоб скорей во все концы
Были посланы гонцы! —
Щука круть и верть хвостом,
Рыб спугнула под кустом,
Даже выплыл линь со дна,
Ошалелый после сна.
Всех вогнала в холод щука
И приказывает:
— Ну-ка,
Вы, уклейки-верховодки,

Проявите свою сметку,
Соберите рыбу всю
Да скажите карасю:
Хватит, мол, лежать в грязи;
Пусть плывут сюда язи,
И налимы и гольцы,
А ершу — наказ, гонцы,
Чтобы этот гад колючий,
Не забыл, на всякий случай,
Встать пред старостою, мною
Не хвостом, а головою!

Рыбки щуке бьют челом
Да бегом, бегом, бегом.

V

В заводи глубокой,
Меж коряг дубовых,
Собирались рыбы.
Сом взял первым слово.
О судьбе он рачьей
Выступил с докладом,
А язь секретарил
С докладчиком рядом.

— Друзья мои, собратья,
Вас должен был собрать я!
Посланцы всей реки —
Налимы и линьки,
Плотицы и ельцы,
Лещи, ерши, гольцы,
И вы, голавль и окунь,
Река — в большой печали:

Рак задурил. Вчера лишь
Сказал: нет в жизни проку!
Пришел он к заключенью,
Что жизнь его — мученье,
Во всем, мол, белом свете
Несчастный самый — рак!
В расцвете сил, чудак,
От дум зачахнет этих.
И он до той поры
Не выйдет из норы
И горевать не кинет,
Пока не сыщем-де
Или у нас в воде,
Иль просто лишь бы где
Страдальца еще больше,
Чья участь рачьей горше,
Не сыщем — рак загинет.
И вот теперь, друзья,
Просить вас буду я
Найти кандидатуру.
Я уверяю вас,
Страдальцы есть у нас:
Одни в беде-недоле
Страдают поневоле,
Ну, а другие... сдуру.
Зашумели рыбы:
— Да давно могли бы
Мы таких найти,
Ими мост мости!
Встал язь:
— Прошу без крика!
Страдальцев всяк найдет,
Но есть тут заковыка,
Что сразу бросит в пот:
Ну, пусть мы обнаружим
Страдальца и похуже,

Чем наш бедняга-рак.
Тогда не кажется ли вам,
Что должен сей страдалец сам,
Не сетуя, без промедленья
Отдаться раку на съеденье?
Ведь так?
Рак не поверит нам на слово, —
Сказал — и за бумаги снова.

Не сказал, а сказанул, —
Острогою саданул.

Прикусили языки
И налимы и вьюнки,
Ну, а линь — тот сразу тягу:
Виль хвостом — и под корягу.

«Страдальцы» замолчали —
В рот воды набрали.
— Да плохо ль жить? —
Скороговоркой
Заговорила красноперка, —
Плывешь себе туда — сюда,
Вспугнут — невелика беда,
Бывает и вздохнешь,
Так больше по привычке,
Чтоб не случилось хуже.
Так говорю, сестрички?
— Так, так! Живем — не тужим,
Хватает всем водички;
Раздольно и привольно,
Да и жиров довольно.
А рачье заключенье,
Что жить на свете худо, —
Ни более ни менее
Как барская причуда!
— Гм! — тогда промолвил сом, —

Что ж мы раку поднесем?
Горемык не стало вдруг, —
Значит, бедному — каюк?
— Дайте слово мне сказать, —
Стал елец хвостом вилять, —
Я скажу вам правду всю:
Жить всех горше карасю.—
Закричали все:
— Согласны!
Он страдалец! Он несчастный!
Вечно на отлете
Он живет в болоте,
Ил да тина — страх берет,
Как он с горя не помрет!
— А где карась?
— Зарылся в грязь,
И сход ему не мил,
Уж и прийти нет сил! —
Тут сом сказал:
— Ты б, щука, поплыла
Да помогла дойти ему в великом горе.
— Лечу! — и впрямь метнулась, как стрела.

Не спи, карась, — на то и щука в море...

VI

Привели карася под конвоем,
Обступили его тесным строем.
Уклеечка как глянула,
Чуть на дно не канула:
Ой, какой несчастненький,
Кругленький, блестященький!
Линь, укрывшись под лозой,
Не стерпел, блеснул слезой.

Был растроган даже сом —
Шевельнул своим хвостом,
От такой печали
Усы задрожали.
Сняв с бедняги тину,
Говорит, как сыну:
— Ну, как живешь, карась?
— Не жалуюсь на долю:
По-княжьи развалясь,
Пью, ем себе я вволю.
— Вот отпалил, так отпалил, урод,
Ничто такого, видно, не проймет! —
Сом в изумленьи даже рот открыл:
— Ну, братец, удивил!..
А все ж скажи: тоскуешь ты иль нет?
— Ну, что за бред!
Не знаю этакого чувства я,
Терпеть я не могу нытья.
Дурак на эту глупость время тратит,
За это мне никто ведь не заплатит!
— На что ж ты тратишь время?
— Скажу пред всеми:
Люблю поэзию — усладу для души,
Поэзией тоску я отгоняю,
Залезу в камыши
И там стихи слагаю.

Сом удивлен,
Глаза таращит язь:
— О, наш поэт-карась,
Речь держишь складно ты,
Послушать даже любо.
Мы, слушая, пораскрывали рты,
Хоть отвечал ты, вроде, грубо,
Однако, попрошу тебя — ответь:
Как ты начнешь, любезный, петь,

Коль вдруг не так хвостом махнешь
Да на жаровню попадешь?
— Попался, брат карась,
Конец тут песне!.. Ась?
— Граждане, одноречане,
Когда тот час настанет
И лягу на сковороду,
Так усом я не поведу —
Люблю понежиться в сметане!
— А, чтоб тебя!.. —
Смеется сом, —
Неужто все, как ты, умом
Поэты слабоваты?
Спеши-ка ты до хаты!
Постой, а ты не слышал, брат,
Кто там у вас житью не рад?

— Да об этом камыш мне шумел —
Слушать времени я не имел.

VII

Послали делегацию,
В камыш она плывет:
Про горе его горькое
Послушать хочет сход.
Плотички две пригожие,
Пескарь, голец-голыш
Раскланялись, представились,
И говорят:
— Камыш,
К тебе послали рыбы нас:
Просите слезно, мол,
Чтоб дорогой камышенька

Беду-напасть отвел
От рака горемычного.
Рак вздумал умереть —
На солнышко на ясное
Не хочет он смотреть!
Скажи ему по совести,
Как тяжко тебе жить;
Что стыдно раку сетовать,
Печалиться, тужить!
Уж сделай милость, миленький,
Уважь нас, послужи,
И мудрость свою ты ему
И горе покажи.
　　　　— Ша-ша! Шу-шу!
　　　　Упорство сокрушу
　　　　Я горюна завзятого:
Невзгодами богатую
Я долю покажу —
　　　　Сражу!
　　　　Шу-шу!
　　　　Ис-су-шу!
　　　　Ша-ша!
　　　　И-ша!

VIII

Рак глядит из норы,
Растопырил клешни,
И лягушечьей икры
Не поест, сердечный.
Ну, держись, рак-усач:
Вон камыш подходит!
Рыба — в скок, рыба — вскачь,
С перепугу вроде.

Плеск такой на воде,
Что нет места нигде!

Встал камыш у краснотала,
Начал речь — все зашептало:
— Ша-ша! Шу-шу!
Вниманья, раче, я прошу...
Раче! Раче! Есть на свете
Горемык немало,
А тебе-то, раче-цвете,
Тужить не пристало.
Я страдалец — так уж точно,
Знать судьба такая,
Что на грунте я непрочном
Стебель поднимаю.
Листья выгоню весною —
Холод их калечит,
Воют ветры надо мною,
Ломят мои плечи.
Я один, защиты нету,
Не заслонят лозы,
Мои листья жарким летом
Гложет тля, стрекозы.
Эх, слаба моя порода —
Быть могучим любо! —
Не судила мне природа
Стать сильнее дуба.
Раче, жизнь моя проходит
Быстро, незавидно:
Как начнется половодье —
Головы не видно.
Придет осень — пожелтею,
Насмерть занедужу...
Видно долею своею
Позабыт я, друже.
Под конец на лед подстилкой

Положу я кости.
Кто найдет мою могилку
На таком погосте?
Раче! Раче! Есть на свете
Горемык немало...
А тебе-то, раче-цвете,
Тужить не пристало. —
И заплакал вдруг камышник
Горькими слезами.

Рак как будто и не слышит, —
Нем и тверд, что камень.

IX

Вот беда, так беда,
Не бывало никогда!
Образумить усача
Можно только сообща.
Нужно руки приложить,
Чтобы рак остался жить.

Чтоб не тратить лишних слов,
Вновь хотели слать послов
И послали бы, да вот
Утка голос подает,
Заявляет, что она
Образумит горюна!
Утку все благодарят:
— Постарайся, милая,
Жизни, видишь ли, не рад
Рак — клешня двухвилая,
Голова садовая,
Страшно бестолковая.

Мы к нему и так и этак —
Ни ответа ни привета.
Веселил и окунек,
Слезы пролил камышок,
Билась два часа плотица,
Ну, ни слова не добиться.

X

Рак глядит из норы,
Тяжко раку дышится,
Из лягушечьей икры
Он не ест яичницы.
Берегись, рак-усач,
Вот подходит утка!
Рыба — в скок, рыба — вскачь:
Суд идет — не шутка!
Плеск такой на воде,
Что нет места нигде.

И залопотала,
И в упор, в укор ему,
Раку непокорному,
Уточка сказала:
— Видишь, рыбка мается?
Слышишь, сколько шума?
Сердце надрывается —
Что ты, рак, надумал?
Чересчур ты носишься
Со своей судьбою,
На смех так и просишься,
А сравнись со мною!
Как весною раннею
Выйдут люди в поле,
Словно в наказание,

Я одна в недоле
Мыкаюсь на воле.
Берегом кочую
В страхе превеликом,
Уголок ищу я
Неприметный, дикий,
Чтобы отдых сладким
Был в местечке тихом
Деточкам-утяткам,
В стороне от лиха.
Одинокой вдовушкой
Мастерю я хатку,
Ломая головушку
И свой клюв-лопатку.
Селезень, красавец мой,
Знать меня не знает, —
Суждено мне жить одной,
Деток поднимая.
Выведу утяток я,
Зазову их в воду —
Долюшка проклятая! —
Снова ждут невзгоды.
Всюду жизнь утиную
Стерегут напасти:
С детками не сгинула —
Почитай за счастье.
Все ж, хоть счета нету им,
Нашим лиходеям,
Хоть порой и сетуем, —
Жизнь любить умеем!
Выкинь, рак, ты эту блажь,
Распростись с тоскою,
Рыб уважь, меня уважь —
Всех лишил покоя;
Всем наделал ты хлопот,
Дышишь еле-еле... —

Рак и усом не ведет,
Клешней не шевелит.

XI

Ах, да чтобы он скис,
Этот рак упрямый!
Рыба вверх, рыба вниз
Замоталась прямо.

Неужели миром всем
Не найти управы?
Спятил рак-усач совсем,
Смех и горе, право.

Аист слушал да искал
Выхода попроще,
Что-то цапле пробурчал —
Милой своей теще.
Цапля крыльями хлоп-хлоп,
К рыбе полетела,
Чтоб совет подать ей,
Чтоб
Кончить с этим делом.
Рыба цапли слово
Выслушать готова.
— Речка наша,—
Молвит цапля, —
Дело общее, не так ли?
Да прошла уж недобрая слава,
Что ни рыбам, ни птицам, ни травам
Не внимает упрямый усач,
Хочешь смейся, а хочешь — плачь!
Так попробуем вызвать жито.

Приведу я его и — квиты.
Если рак и его не послушает,
То дубинки у нас откушает!

Рыба, сбившись возле мостика,
Поплескала цапле хвостиком.
— Вот спасибо, цапленька,
Вот спасибо, милая,
Умирает раченька,
Голова постылая!

XII

Рак понуро сидит
И на свет не глядит.
Берегись, рак-усач:
Вот подходит жито.
Рыба — в скок, рыба — вскачь,
Сом сопит сердито.
Плеск такой на воде,
Что нет места нигде!

Рожь стеной густою,
Чуть не в рост с лозою,
Встала над водою
И сказала:
— Раче,
Сломлен, не иначе,
Горем ты, бедою.
Ну, а ты послушай, друже,
Как по свету ходит стужа,
По просторам кружит-вьюжит,
Ветром дышит, снегом стелет —

Вот где еле душа в теле!
Наступает старость-осень,
Глаз не тешит неба просинь.
Дождь из туч — как нити с кросен,
Меня на поле приносят,
Из лукошка в землю бросят,
По бороздкам лягу длинным
В дол холодный и пустынный.
Снято в поле все, одни там
Мои зернышки зарыты.
Дует ветер в поле чистом,
Неприветный и суровый,
Устилает желтым листом
Зеленя мои шелковы.
Холод, дождь, безлюдье, слякоть,
Тут не диво и заплакать,
Зеленя мои шелковы
Травят овцы и коровы:
Нет им на поле поживы —
Скошен луг и сжаты нивы.

Ветер северный подует —
Вновь беды-напасти жду я.
Ткет мороз ковер свой белый,
Застилает им свет целый,
Дол пустынный, омертвелый.
Зеленя мои шелковы
Заковал мороз в оковы!
Как под тем ковром широким
Да под холодом жестоким
Я лежу, сплю сном глубоким.

Но опять весна настанет,
В небе солнышко проглянет,
Гулкой песней хлынут воды,
Закрасуется природа.

Зеленя мои шелковы,
Оживит весна вас снова.
Как кукушка закукует, —
Заиграю, заликую,
Стебель к солнышку гоню я.
Гонит ветер неуемный
Сплошь серебряные волны,
Шелком стелет на загоны,
А я только бью поклоны
На меже траве-кудельке,
Ветру, солнцу и земельке.

В должный срок настанет лето,
Буду в золото одета.
Выйдут жнеи-молодицы
И девчата-чаровницы,
Срежут, свяжут буйный колос,
Прозвенит девичий голос:
«Пора землю отмыкати,
Пора росы выпускати!»
Везут с поля, да не в гости,
На току, как бы со злости,
Бьют цепами мои кости,
Веют, сушат мои зерна,
Давит, душит меня жернов.
Зеленя мои шелковы,
Вот вы и на хлеб готовы!
Искрошили, измололи,
Жить мне не дали на воле!
Вот уже в квашне дубовой,
Хлеб замешивают новый,
Затевают на водице
Из ржаной моей мучицы,
Перемнут меня раз десять,
Перекрутят, перемесят,
Ручником меня завесят.

Печь истопят — жаром пышет
Так, что страх меня колышет.
Ой, да чем я виновата?
Бросит в печь меня лопата,
Буду жаром я объята.
В печке сразу обомлею,
Пожелтею, порыжею,
И вот только, как водою,
Не простою, а живою,
Освежат меня, умоют,
Свет увижу я, мой раче!
Так кому же горше, значит?..

Дурь и блажь свою кляня,
Рак изрек: — Прости меня,
Мир честной, виновен я.
Убедило меня жито —
Рассужденья мои биты.
И не я уже, а пусть
Пропадут печаль и грусть.

* * *

Рыба с радости такой
В пляс пустилась над водой,
А за нею пташки,
Наваривши кашки
Из малины спеленькой,
Красненькой и беленькой;
А за ними мошки,
Подобравши крошки.
За мошками — травы,
Ладят бал на славу,
Листья лоз и ряска —
Все пустилось в пляску.

Пришли музыканты,
Местные таланты.
Скрипку взял комар-звонарь:
— Шире круг,— кричит.— Ударь! —
Заиграл на дудке шмель,
Хрущ берет виолончель,
Оса в трензель звонит,
Комарика гонит:
— Пошел вон! Пошел вон!
Начинаешь ты не в тон! —
Муха на цимбалах
Струны колыхала.
Овод на шарманке
Без умолку шпарит,
Сыплет на тальянке
С ним кузнечик в паре.
Сел сверчок
На шесток
Со своим кларнетом,
А жучок-чернячок
Спеть решил при этом,
Да так здорово запел,
Что с ума свести сумел
И бабочку-Гапку,
Что надела шапку.
Журавль появился,
Как с луны свалился,
Испугал лягушку,
Что плясала с мушкой.
Пошли в пляску сотни пар,
А за ними и комар
Цаплю ловко подхватил,
Цапле ногу отдавил,
На мозоль ей наступил.
Бал закончил грач-птенец
И рассеял грусть вконец.

А раз дошли мы до конца,
Дайте чарочку винца.
Ну, а нет — приму за ласку —
Хоть похлопайте за сказку.

1926 г.

САВОСЬ-ПРОКАЗНИК

I

Что, мальчишки и девчонки,
Вам ходить за много миль?
Вместо сказки-побасенки
Расскажу одну вам быль.

Интересно послушать, небось?
Ну так вот:
Жил-был мальчик Савось.
Целый день только знал, что
проказил,
В сад чужой по яблоки лазил.
Маку скручивал он головки,
Да выдергивал ловко морковки,
Да еще и вытаптывал грядки —
Вот какие у Савки повадки!
А руки у него не мыты,
А сам он сердитый,
И такой забияка,
Где Савка — там драка.
Буян,
Грубиян.

Зацепит старого,
Обидит малого
Такой баловник,
Такой озорник;

За гумнами слоняется,
Камнями швыряется! —
За такие дела
Хоть гони из села!
Имел он смекалку —
Из гнезда достать галку,
А доброго дела
И знать не хотел он!

II

Жил-был в доме у соседа
Без печали и забот
В доброй дружбе с Павлом-дедом
Пречудесный пестрый кот.
Черный носик,
Лапки серые,
Пушистые,
А на спинке
Все шерстинки
Шелковистые.
Как проснется,
Замурлычет,
Выгибается.
Сам дугою,
Хвост трубою
Подымается.
Усы-русы
Натопорщит
Пребольшущие.
А крючочки-коготочки
Загребущие.
Ушки-слушки
Темной ночкой

Навостряются,
А в глазищах
Фонарики
Зажигаются.
Словом, кот соседский тот —
Загляденье, а не кот.
Бегал он под мостик,
Ловил рыбку за хвостик.
И на печке, сидя с дедом,
Свои сказки ворковал,
Белым хвостиком при этом
Такты песням выбивал.
Из-за теплой печки в споры
Не пускались с дедом кот.
Раз в полуденную пору
Кот отправился в поход.
Разогнал в походе мышек
И улегся под оконцем,
И лежит себе, не дышит,
Пригревает бок на солнце,
Нежится на травке,
Вытянувши лапки.
Глядь — из дома Савка
Выскочил без шапки!
Следом Рыжик — черный носик.
— Куси, куси кота, песик!

Бедный котик ужаснулся,
Полетел во весь опор,
От собаки увернулся
И взметнулся на забор.

А оттуда — не будь глуп! —
На высокий вспрыгнул дуб.
И глядит на забияку:
— Эй ты, Савка-шалопай,

Не науськивай собаку
И меня не задирай!
Не удалось Савосю
Кота загубить
И стал он Антося
На помощь просить.

III

Вот Савось
И Антось
Встали утром рано,
Собралися чуть свет
И держали совет,
Составляли планы:
Как бы котика поймать,
Как бы Рыжику отдать
Его на расправу.
Вот уж, право, глупцы,
Непоседы-сорванцы —
Нашли же забаву!
Савось тащит мешок,
Антось хлеба кусок —
Рыжику приманку.
Ну, а кот беды не ждет,
Свои песенки поет
Деду спозаранку.
Эх ты, котик, ты пушистый,
Берегись,— не попадись ты!
Ты не бегай по задворкам,
Не ходи гулять на горку,
Да за рыбкою к воде,
А иначе — быть беде!
Осторожненько ходи,

Да за Савкою следи.
Не добро затеял он,
Ведь недаром с ним Антон.
Стал наш Савка за углом,
Разговор ведет с котом,
Заговаривает зубы:
— Котик милый, котик любый,
Котик пестренький ты мой,
Носик черненький ты мой,
Ну, а спинка —
Что картинка!
Выходи ко мне играть,
Я не стану обижать.
А что за глазочки,—
Видят среди ночки!
Ну, а что за лапки,—
Коготки-царапки!
Ах ты, милый котик,
Ах ты, белый хвостик!
Выходи ко мне играть,
Я не стану обижать.
Котик спинку выгнул круто,
Поднял хвостик, заурчал.
В ту же самую минуту
К Савке он в мешок попал.
Очутился кот в неволе.
Принесли его на поле,
А там чисто: ни кусточка,
Ни пенька и ни дубочка
Не видать и на версту.
Нет спасения коту!
Он сидит в мешке и плачет:
— Мяу, я попал в беду,
Смерть приходит — не иначе,
Ни за грош я пропаду.
Кот бурчит и ворчит,

И в мешке скребется,
А Савось хоть бы что —
Знай себе смеется.
— Ну-ка, стой, Антон-дружок,
Подержи собаку,
Как раскрою я мешок —
Выпускай в атаку!
Отошел наш Савось,
Антось притаился.
Тут и выход из тюрьмы
Котику открылся.
Котик выглянул несмело —
Надо ж разобраться.
Видит — Рыжик! Что тут делать?
И куда податься?
Крикнул Савка что есть сил:
— Куси кота, ну-ка! —
Но чего он вдруг завыл?
Что еще за штука?
Как взглянул Антось на друга,
У него открылся рот:
Воет Савка от испуга —
Вот так вышел оборот!
Ухитрился котик ловкий —
От лихой беды ушел,
И на Савкиной головке
Он спасение нашел.
Обалдел наш бедный Савка,
С перепугу как завыл! —
Кот вцепился, словно пьявка,
И не снимешь с головы.
Запустил Савосю в кожу
Свои когти до кости,
Савка вытерпеть не может
И кричит: «Пусти, пусти!»
Рыжик носится по полю,

Лает, вертится вокруг.
Что, Савоська, что, соколик?
Плохо дело, милый друг!

Ой, нагоревалися,
Ой, беды набралися
Сорванцы с котом!
С поля возвращалися —
Над ними смеялися
Люди все кругом.
Рыжика на привязи
Вел Антось дорогою —
Сам глядел он вниз,
Брел Савось на отшибе
На головке с котиком
И шептал: «Кис-кис!»

1926 г.

МИХАСЕВЫ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

I

Накануне весны

Надокучила детям зима:
Нет простора. Сидят по домам.
Тоскливо Михасю,
Алесю и Ясю,
Володьке, Андрею
И всем, кто резвее,
Кто ищет раздолья.
Ну, Юрке и Коле,
Маринке, Татьянке,
Аленке, Марьянке,
И Инке, и Юльке,
Наташке, Ганульке,—
Шалуньям завзятым,
И хватам-
Ребятам.
Согнали охоту на санках,
На лыжах, коньках и ледянках.

Зимою ненастной
Гуляешь не часто:
Как вьюга завеет —
И нос посинеет,
Лишь выйдешь из хаты
На холод проклятый.

Болезни зимою
Идут чередою:
То свинка, ангина,
То грипп, скарлатина,
То корь налетит,
То злой дифтерит...

Надокучила детям зима,
Но весна уж стучится в дома.

II

Навалилась зимой на Михася беда:
Прицепилась болезней к нему череда:
Сначала ангина,
А вслед за ней грипп.
Чуть-чуть с дифтерита
Михась не погиб:
Ему заложило
И горло и нос,
Какие мученья
Михась перенес!
Но все ж отходили
Его доктора.
Вакцину вводили
Ему много раз.
Когда бы не это,
Не видеть бы света.
И дни и недели
Лежал он в постели,
Малышка-парнишка,
Больной Михасек,
Словно подкошенный
Тот василек.

Как высох он, бедный!
Стал щупленький, бледный;
Как воск, поглядите,
Стал он прозрачен.
И доктор назначил —
В деревню везите.
Там воздух целебный,
Свет солнца лечебный
Поправят Михася вполне.
Там много такого,
Что, честное слово,
Не снилось ему и во сне.
Об этом, ребята, как раз
И будет идти тут рассказ.

III

На лоне природы

Где ж Михась остановился,
Как в деревне появился?
Да в простой колхозной хате,
Что стоит на рыжем скате,
А местечко — то ли дело!
Рожь, как море, там шумела,
И ячмень густой, зеленый
Всем отвешивал поклоны:
Ветру, солнцу, малым пташкам
И козявкам и букашкам,
Милым деткам — Насте, Стасю,
Ну, и нашему Михасю.
Тут чисты в речушке воды.
Тут сады и огороды,
Где меж пышных маков красных
Есть сластей немало разных:

Огурцы, морковка, репка,—
Это дети любят крепко.
И Михась не раз украдкой
Пробирался к этим грядкам.
А песок какой здесь желтый!
Глаз, наверно б, не отвел ты.
И шуршат песчинки сами:
«Поиграй, Михаська, с нами!»
Как же тут не погулять,
Ну, хотя б минуток пять,
Как вовсю не развернуться
И в песке не кувыркнуться!
Бегал тут Михась, скакал
Да с песочком рассуждал.
Нет — хорошее местечко!
Что ни шаг — лужок иль речка,
Здесь найдется все, что надо
И для слуха и для взгляда.
Поправляйся да играй,
А где надо — помогай!

За усадьбой — круча,
А за кручей — поле:
Конь стальной, могучий
Пашет там на воле.
Хлебу ткет основы,
Разрезает глыбы.
Весь блестящий, новый —
Дым, как хвост, изгибом,
Траками подкован,
Отгадайте, кто он?

А в лесу с рассветом
Затрубили трубы...
Хорошо там летом,

Поглядишь — так любо!
Михася голубит
Песней лес зеленый,
Все ж он больше любит
Речку и затоны.

IV

Талька — славная речушка —
    Вьется меж лугами,
Берег мягкий, что подушка,
    Устланный коврами.
А повыше чуть, за пашней,—
    Голубые дали,
И дубы, как будто башни,
    На пригорке встали.
По лужайке мокрой, тихой,
    Дням погожим рады,
Водят аист с аистихой
    Аистят бригады.
Тут гусей и уток много,
    Семьям их — аж тесно.
Писк и кряканье и гогот
    Слышен повсеместно.
А заглянешь в речку Тальку —
    Очарует сразу
Даже Леню и Наталку,
    Крошек сероглазых.

Там, под светлой водой,
Мир огромный, живой,
Дивный, незнакомый.
А особенно тут,
Где обрыв очень крут,
Где чернеет омут.

Глянешь вниз — ой-ой-ой!
Сколько рыб под водой,—
Как отары в поле!
Этот омут, сказать,
Озерком бы назвать
За его раздолье.
А как выйдут лещи,
Хоть в ладошки плещи:
Не лещи, а — плашки!
Щуки стаей волков
(Их обычай таков:
Волчьи все замашки)
Стерегут, притаясь,
Не пройдет ли где язь,
Сытый, красноперый.
Язь, сторонкой пройди!
Лещ, позорче гляди,—
Сцапают прожоры!
Много есть в глубине
Окуней и линей
И плотвы лукавой.
А мальков и ершей
И других малышей
Не сочтете, право.
А плеснет сом
Хвостом —
Задрожит гладь кругом,
Затрепещет тина.
Омут-«яма» — в кругах,
Волны бьют в берега:
Сом, видать, махина.

Интересно и страшно Михасю.
Под обрывом зашились лягушки,
Вот бы ахнуть по сому из пушки,
Когда он на виду прямо пасся.

V

Рыбалка

Одна у Михася забота,
Его захватила охота.
Об этом сказал он и маме:
Поудить бы рыбу на «яме».
Юрка скрутил ему леску,
Ванька срезал березку —
Удилище вышло «на пять»,
Любо в руках подержать.
Крючок, поплавок — все, что надо,—
Ему смастерили ребята,—
И был в этом деле размах,
Все делали не за страх.
Зато уж удочка — красота!
Ну, берегись теперь, мелкота,
Рыбья семейка,
Ерш и уклейка!
Не один Михась на «яме»:
Здесь, на берегу реки,
Состязаются с ершами,
Притаившись, рыбаки.

Сторожев здесь Ленька
Сидит тихонько,
Будочников Ванька,
Рост — поди достань-ка,
И Авсейчик Гришка,
Павлик, Тишка, Мишка,
Ростом хоть и малые,
Но рыбаки удалые.

Ловят рыбу терпеливо
На живца, на червяка,
Смотрят на воду пытливо,

Глаз не сводят с поплавка.
Волновались тут немало
Наши хлопцы-рыбаки,
Лишь рыбешка бы клевала —
Танцевали б поплавки.
Надо здесь иметь сноровку,
Чтобы клев не проглядеть,
Чтобы вовремя и ловко
Рыбку хитрую поддеть.

Примечал наш Михась,
Как клюют плотва и язь,
Ерш, и лещ, и яльчик.
И, бывало, ерша —
Да не смейтесь вы, ша! —
Он поймает с пальчик.
Да что ерш? — головля,
Что подходит, юля,
На крючок подцепит!
Тот взлетит над водой
И сверкнет чешуей —
Рыбака ослепит.
Раз ему повезло:
Щуку этак с кило
Вытащил он, право!
Ух, и радость была!
Обошла полсела
Про Михаську слава.
А момент, как подсек
Да швырнул на песок
Щуку,— не забудешь.
Словно бритвой, крючок
Срезал вдруг щупачок —
Хохотали люди.
Смеху было — ой-ой:
— Посмотрите, какой!

Не найдешь с ним сладу!
Хоть Михась и новичок,
Но умело и в срок
Сделал все, как надо.

VI

Раз Михаська был на «яме».
Сел себе на бережок.
Там песочек и лужок,
Озерко как будто в раме —
Зелень, яркая листва
И высокая трава.
Сбоку насыпь высока,
Мост железный над водой,
И вагоны чередой —
Отражает их река —
Мчат-бегут туда, вперед,
Где их полустанок ждет.
А Михась наш наблюдает,
Как колеблется вода,
Где проходят рыб стада
И на солнышке играют,
Как в затоке под кустом
Щука вдруг плеснет хвостом.
Ну, а ласточки-вертушки
Не натешатся игрой,
И такие над водой
Затевают гули-гушки,
        Веселушки,
        Щебетушки,
Что, наверно, акробат
Им попасть не мог бы в лад.
Вот одна летит стрелою
И мгновенно свысока

Чирк по глади озерка
Скобкой быстрой, удалою,—
По зеленой глади вод
Ловко так крылом черкнет.
Поглядел ей вслед Михась,
Даже улыбнулся.
Но тут случай один
Новый подвернулся.

В стороне — пригорок,
Так, шагов за сорок.
А на нем стережет
Дяденька живцовку.
Он лежит и курит,
Зоркий глаз свой щурит:
Ну как плоточку возьмет
Щука за головку!

А живец-молодец —
Фунт, не меньше, живец
На крючке-тройничке
Тишь воды тревожит,
Ходит, ходит на крючке,
А сойти не может.

Вот глядит наш Михась —
По воде что-то шасть!
То не щука ль щерит рот
На бедняжку-плотку?
Он глядит и не поймет:
Что-то длинное плывет,
Гибкое, как плетка.
Повернул наконец
Неизвестный пловец
Да туда свернул как раз,
Где сидел-глядел Михась.

Ну, тут наш Михасек
Поскорей наутек!
Уж... Вот это штука!
— Дядя, уж!
— Где он? Врешь!..
Стой, парнишка, не трожь,
Может, то гадюка!..—
Уж под берег подплыл,
И ольху обкрутил,
И застыл недвижим.
А сам страшный такой!
Со спины и с боков
Серовато-рыжий.
Тут рыбак подбежал,
Палку крепкую взял.
— Это же гадюка,
Злюка-перезлюка!
Берегись, мальчонка,
Отойди в сторонку!..—
Размахнулся рыбак из-за уха,
Раз! — промазал. Другой —
Изогнулась гадюка дугой,
Показала желтое брюхо.
Подцепивши наискосок,
Дядька выбросил ее на песок,
Размозжил ей башку,
Каблуком растер —
И кинули гадину
Прямо в костер.

VII

Ягоды

Вести от порога
Мчатся до порога:
В роще недалекой

Земляники много.
Мол, земля от ягод
В красных пятнах прямо:
Собирай хоть с возом
Их в Лосиных ямах.
Что это за ямы?
Почему лосиные? —
Михасю задача
Прямо непосильная.
Он слыхал о лесе
Часто сказки-байки,
Что там есть и белки,
И лоси, и зайки.
Что живет медведь там,
Филин с желтым глазом,
Но про эти ямы
Не слыхал ни разу.
Поглядеть на норы
Лиса иль енота
Михасю, признаться,
Уж давно охота...
Высохли росы. В палящих лучах
Нивы распарились даже.
И облачко в голубых небесах
Кажется пухом лебяжьим.
Оводам жарко, и комары
В страхе забились в дубравы.
Млеют от летней пекучей жары
Поле, и рощи, и травы.
Пахнет болотом пресно.
Куда бы ни глянул — туда иль сюда,—
Всюду и все интересно.
Вон вывернут пень. А уж страшный какой —
Есть губы, усы, есть и очи,
И корень торчит крючковатой рукой,
Как будто схватить тебя хочет.

На сучьях развешаны мхи, словно шелк,
Быть может, то бороды чьи-то?
Михась присмотрелся: а может, там волк?
А может, рысь ветками скрыта?
Хотя, как известно, Михась наш смельчак,
Но с палкой идет, осторожно.
Пускай не один он, а все ж как-никак
Со зверем здесь встретиться можно.

Напрасные страхи — беду пронесло,
Все звери, как есть, разбежались:
В нору лисица, а филин в дупло,—
Видно, ребят испугались!

Расступился лес,
Прошумев листвой.
А на поруби,
Ух, простор какой!
А травы, травы!
А кустов, кустов!
А березничек
Тут густой, густой!
А на кочках тут,
Возле пней, ломья,—
Земляника-жар.
Бусы красные
Все усыпали,
Что коралями,
И глядят они
Крали-кралями —
Краснобокие,
Сладкосокие,
Все огнистые,
Все душистые,
Аромат такой
Тут разносится —

Что ни ягода, в рот
Так и просится.
Начали сбор земляники,
Черники,
Меж кочек по низким кустам разбрелись,
Увлеклись:
Оля, и Юра,
И Женя-понура,
Мама, Сережа
И Михась наш тоже.
Сорвет земляничку,
Взглянет, поворожит
И не в туесочек,
А в ротик положит.
Лукошко у мамы
Почти уж полно,
А наш Михасек
Не закрыл еще дно.
Зато у Михаськи
И губы и щеки
Измазаны все
Земляничным соком.
Он ходит мурзатый,
На небо глядит.
Вон дятел носатый
На елке сидит.
Над бором грачиный
Разносится грай,
А тут землянику
Ходи собирай!
Валежник наскучил,
Приелся лесок,
И руку намучил
Пустой туесок.
На солнце — жарища.
В тени — комары.

Он ягод не ищет:
Сгоришь от жары!

Посадили Михаську на пень
В тени.
Притомился Михаська за день —
Отдохни.
Не по силам тебе наш труд —
Полежи.
Вот и ягод лукошко тут —
Сторожи.
Наберем за тебя, чтоб пустой
Ты не шел.
И Михась им кивнул головой —
Хорошо.

Хорошо сидеть на пне
От жарищи в стороне!
Но суницы-баловницы
Стали парня искушать,
Ароматами дышать.
А какие налитые!
Просто сок из них течет.
И конфеты здесь не в счет!
Разве можно устоять?

Присел он над лукошечком,
На ягоды глядит:
Попробовать немножечко
Ничуть не повредит.
Жара не убавляется —
Все так же солнце жжет.
Михаська забавляется:
По ягодке — да в рот.
Какие они сладкие!
Как мед. Да что там мед!

Михаська наш с оглядкою
Уже по две берет.
Потом брать начал горсточкой,
Измазал даже нос.
Вот были б они с косточкой,
Тогда другой вопрос!..
Эх, сбился ты с копытика,
Михаська-голубок!
...Приходит самокритика
Распутывать клубок.

И давай Михась
Выходить из беды,—
Как-нибудь давай
Заметать следы.
Он лукошко трясет
Да старается,
Ждет, что ягод вот-вот
В нем прибавится.
Потрясет, взглянет —
Удивляется:
Меньше ягодок —
Убавляются!
Тряс их, тряс Михась,
Низко солнышко.
Стало ягодок
Лишь на донышке.
Только сок потек
Из лукошечка,
Ну, а пользы нет
Ничевошечки.
Он опять трясет,
Весь от пота взмок,
Сбил их в красный сыр,
Сколотил в комок.

Поставил лукошко на пень,
Куда хочешь, туда его день.

Вот беда, так беда.
Горе, право!
Ждет Михаська суда
    И расправы...
Как в «работу» возьмут,
    Будет крику!
    Не ходить бы ему
    В землянику.

И слышит Михаська — го-гоо!
А сам отвечает — чего-о?
Но голос невесел,
И нос он повесил.
Что он скажет маме, Юре,
Ох, и быть сейчас тут буре!
Подошли — и ахнули:
На дне лукошка
Не ягоды,
А окрошка.
Сок растекся вокруг,
Стал приманкой для мух.
А Михась — мурзатый,
Вид у него виноватый.

Напал на Михаську Данила:
Что ты наделал, дурила!
Такой-
Сякой!
Чего натворил? —
И чуть Михася не побил.
И Юрка не лез в карман за словом.
Михаську он обозвал бестолковым.
Уши б ему оборвать!
В лес его больше не брать!

Везде от него утрата...
Михась молчит виновато.
Лишь мама за сына
Горой, как всегда:
— Ну, хватит кричать вам!
Такая беда!
Ведь он это сделал
Совсем не назло —
Чтоб ягодок больше
В лукошко вошло...
Скажи мне, Михаська,— спросила,—
Так оно, видно, и было?

Повеселел наш мальчонка.
— Так! — отвечает тихонько.

Домой шли — шутили, играли,
Уж не было споров и свар,
Хоть в шутку Михаську прозвали —
«Ягодный спец-сыровар».

VIII

Грибы

Нет уж земляники,
Выбрана черника,
Плохо стала рыбка
Браться на крючок.
У болот — брусника,
Рдеет костяника.
Но Михаську тянут
Бор и сосначок.
Даст подарок новый
Бор густой, сосновый:

Появилось много
Разных в нем грибов,
Прячут очень ловко
Русые головки
Под листвой, под мохом,
У коряг, дубов.
Описать ли стежки,
Где ходили ножки
Грибников завзятых,
Шустрых, как Михась? —
Подождем немножко —
Обминем порожки:
Топкие болота,
И ручьи, и грязь.
Бор наполнен звоном.
Под шатром зеленым
Шорохи и звуки
Разные плывут.
Наберись терпенья,
Чтоб по писку, пенью
Мог узнать, какие
Где жильцы живут...
Поглядим мы с вами
Михася глазами,
Что в лесу творится.
Что нам лес дает.
Гляньте, Валик, Тася,
Ты, Аленка, Вася,
Как Михась с корзинкой
По грибы идет.
Вглубь идет поспешно.
Не один, конечно, —
С папой. Хоть у парня
Очень бравый вид,
Страшно все-ж немножко,
Если лес сторожко

Черною чащобой
На тебя глядит!

Встала зорька на восходе,
А Михась уже в походе,
У него корзинка, нож —
Без ножа грибник не гож.
Возле речки — луг широкий,
На пригорке — бор высокий,
Весь смолою он пропах,
Поневоле скажешь: «ах!»
Мхи — зеленый, рыжий, белый —
Будто бы ковер расстелен.
Вдоль тропинок — вересок,
На дорожке — бел песок.
Как пройдет кто по тропинке,
На песочке след покинет.
Отгадайте по следам,
Кто прошел здесь и куда?
Глянь, какие тут когтищи!
Проходил, видать, волчище.
— Папа, подскажи ты мне,
Это волк прошел иль нет? —
Посмотрели — так и есть:
Был ворюга серый здесь!
Михасек следы читает,
Каждый след запоминает.
Это страх как интересно
Узнавать, что неизвестно!..
Михасек вперед бежит,
Голосок его звенит.
Лес проснулся, оживает,
И шумит, и распевает.
Здесь пищит колдун-вьюрок,
Там воркует голубок,
В ветках иволга тоскует,

Вдалеке глухарь токует,
Дятлы пестрые с утра
Бор, как будто доктора,
Сплошь выстукивают звонко.
Кружится сизоворонка.
А вон там, на стройной ели,
Дрозд выводит свои трели,
Сойки резвые кричат,
Ястреба в гнезде пищат.
И какой-то обормот
Словно дразнит: «Дод! дод! дод!»

Через поле вышли
Мы на Загибельку.
Где еще такую
Ты найдешь земельку?
Выметена чисто —
Под метелку словно,
В зелени деревня
На пригорке ровном.
Высятся там скирды
Аж до небосвода,
Важно стерегут они
Гумна, огороды.
Аистов гнезда
На соснах ветвистых,
Ульи-колоды
Там в садах тенистых.
Ельник зеленый
Сразу за речкой,
Бор красноствольный
Стоит недалечко.
Лес и перелески
Вместе с сосняками
Очень уж богаты —
Чем? — Боровиками!

Шапки их темны,
Сами они крепки:
А возьмешь в руки —
Гипсовые слепки.

Свернули с дороги в борок,
Обшарили весь бугорок —
Лишь мухоморы-подростки.
А вон пригорок. Желтеет песок.
Кой-где багульник и вересок,
Кой-где канавки-бороздки.
И слышится радостный крик —
Кричит наш Михась: «Боровик!»
Он с гриба не сводит глаз,
Нагнулся и ножиком — раз!
А вот под листвой
Притаился другой!
Какой он пригожий!
На первый похожий!
Чуть-чуть поседелый,
На ножке, на белой.
Сидит, как асессор
Иль важный профессор
В своем кабинете.
А рядышком — третий!
Михаське так радостно стало,
Михаськино сердце взыграло,
К месту он так и прирос.
— Сюда иди, папа!
Смотри, сколько шляпок —
Боровиковый колхоз! —
Михась оживился,
Азарт появился.
Бегает — не ходит,
Глаз с грибов не сводит.
Разгребает шишки

Лозинкой.
— Идите, братишки,
В корзинку!

Грибы он сбирает не просто,
А чтоб было побольше прироста:
С корнями не вырывает,
А ножиком — чик! —
Чтоб вырос другой боровик:
От корня ведь нитка отходит живая,
Из ниточек этих,
Связавших коренья,
Новое выйдет
Грибов поколенье.
В этом и штука —
Грибная наука.
Ходили по горке
Меж кустиков, мхов,
Укрыли листвою
Немало грибков
Ростом с орех —
Брать такой грех.
Богатая нынче
Добыча была:
Грибов почти сотню
Им горка дала!
А что за грибочки
На горочке той!
И горку назвали
Они «золотой».
Решили другие
Места поискать,
Где тоже грибная
Водится знать:
Бугры, перелески,
Опушки борков,

Тропинки, дорожки
Промеж сосняков.

Вот видит Михаська —
Мелькнул боровик!
К нему он, пыхтя,
Словно тот грузовик.

Присел, наклонился,
Под кустик подлез.
Что ж видит? — Поганка!
Ах, чтоб тебя бес!
Притих от обиды сразу,
Обозлился Михась:
Вырвал с корнем заразу
И о пень ее — хрясь!
А сам оглянулся —
Нет ли кого?
Не видел ли папа
Ошибки его?

Но следом за этим
Событье другое,
Хоть очень простое,
Но все же смешное.
Бугорок,
Пожарок —
Лес горел когда-то.
Видит — лом,
Мох ковром,
Мягкий, словно вата.
Может тут,
Шелопут,
Гриб где притаился?
Но не верь,
Брат, теперь:
Раз уж осрамился!

Он взглянул,
Ковырнул —
Интересный случай:
Листья, мох,
Возле ног —
Колобок колючий!
Не стерпел,
Посмотрел,
Что это быть может?
И узнал,
Закричал:
— Папа! Папа! Ежик!

Ежик свился в клубок
И молчок —
Словно мертв, хитрюга.
Дай же глянуть, дружок,
Колобок,
Что ты за зверюга!
Покажись-ка ты нам,
Как друзьям,
Не страши щетиною.
Раскопали мох, а там —
Детвора ежиная!
Вот один, и два, и три...
Шустрые, живые.
Ах вы, лихо вас бери!
До чего ж смешные!
Натешился наш мальчуган.
Листвою и мохом с любовью
Накрыл их домишко-курган:
Растите себе на здоровье!

Обшарили все сосняки,
Березник зеленый,
Пригорки и склоны
И к бору пошли грибники.

Местечко красивое — бор:
Там сосны — под тучи,
Толсты и могучи,
Собой украшают простор.
А рядом, где вереск да мох,
Растет их семейка —
Сосняк-самосейка,
Как щетка густая, у ног.
Михаське понравился бор:
Сосняк малорослый,
И стройные сосны,
И все, что так радует взор.
Сосну под горою
Не плохо б заснять:
Такая, что трое
Не смогут обнять!
Кора — черепица,
А ветки — шатры,
Тень плотно ложится
На плечи горы.
Луч солнца играет
В ее зеленях —
Улыбка живая
Погожего дня.
В росинках на ней
Ранним утром наряд, —
Мильоны камней
Самоцветных горят.
Когда ж потухает
Дня ясного жар,
На ней полыхает
Багровый пожар.
В ночи ее густо
Окутает тьма...
Художник искусный —
Природа сама.

И глядит на зеленую хвою
Наш Михась, на прозрачную высь,
На ветви, что густо сплелись
В шатер над его головою.
Почему это, хоть и просторно,
Больше веток с одной стороны?
Любят солнце они и должны
Вечно к югу тянуться упорно.
Так Михаська отдыхает
И любуется борком,
Небом и боровиком,
Что «рекордным» называет.
Он боровики считает;
Их не скоро перечтешь —
Больше ста. Трофей хорош!
Так не каждый день бывает.
А домой придет он, к маме,
Да на сене ляжет спать, —
Ночку всю перед глазами
Будут те грибы стоять.

IX

Воспоминания о городе

Закручинились леса,
Смолкли птичьи голоса,
Глухо стало в поле.
Отцвели уже цветы,
Ветер оборвал листы,
Стонет на раздолье.
Лес как будто опален,
Тучи стелются, как лен,
Опускаясь низко.
И опутывает даль

Серой мороси печаль —
Осень близко, близко.
Осень уж посольство шлет:
Время, птицы, вам в отлет!
Нужно торопиться:
Путь ваш труден и далек,
Надо чтоб успели в срок.
Шире крылья, птицы!
Полевой простор весь гол.
Трактор песенку завел
Громко, деловито:
«Эй, колхозный вольный люд!
Будет твой оплачен труд —
Время сеять жито».

Рядом с хатой тетки Кати
Стоит хата возле гати,
Где к мосту идет дорога, —
Детям тут раздолья много.
Тут пригорок есть сухой
И уютный, хоть глухой.
А на нем — песок-желток.
Детям люб тот уголок.
Тут Михась играть любил:
Золотой песочек рыл,
Ладил печки и печурки,
Пек «оладьи» и «мазурки».
А сегодня спозаранку
Детвора здесь собралась,
С ними был и наш Михась.
Сели дети на полянку.
И Михаська наш ведет
Речь про городской народ,
Как трамвай, машины ходят,
Как там праздники проводят —
Новый год, Октябрь и Май,

Как там жизнь бьет через край.
Жадно слушают ребята.
Сколько их? Считай: Агата,
Стефка, Юзефка,
Кондрат, Игнат,
Демьян, Степан,
Петрок, Змитрок,
Будочников двое
Да Синявских трое,
Пасынок Ахремов,
Маленькая Эмма
Да еще пять-шесть ребят
В рот рассказчику глядят.
У Михаськи-ж тюбетейка
    Чуть не свалится,
Голос, как у соловейки,
    Разливается.
А волосики в колечки
    Позакручены...
Так сидят они у речки,
    У излучины.
У Михаськи нос-картошка
    Задирается,
А глазенки, что окошки,
    Раскрываются.

    Он рассказывает
    И показывает,
    Руками махая,
    Как трамвай бежит,
    Как под ним дрожит
    Мостовая.
    А как даст звонок —
    Удирай, браток,
    Не лови ворон!
    Осторожней, брат,

Тут машины летят,
Да со всех сторон!

Не сдержался Кондрат
И сказал невпопад
Про движенье,
Потому что любил возраженья:
— А я б стал и не бежал,
Пусть звонят до ночи! —
Всех тут смех разобрал:
— Ух ты, храбрый очень!
Пропадешь, так и знай,
Глупый мальчишка:
Попадешь под трамвай —
Будет тебе крышка!

Михаська ж на эту тему
Разворачивает целую поэму:

—...И не только трамвай —
Есть автомобили.
Как рванет — так и знай:
В секунду — полмили!
А какие гудки!
Тут не шутка, братки.
Грузовик,
Ну, как бык,
Заревет — гу-гу!
За ним, более живой,
Легковой —
Ру-ру!

— А у нас, —
Не сдержался Ахремов Панас, —
Так гудят с утра
Трактора.

Вот гудят,
Так гудят!
Стелют борозды в ряд.
И овса не едят!

— Трактора — это что!
А видал из вас кто
Танк, хотя разочек?..
Он стальной весь кругом,
А большой — вот как дом,
И, как гром, грохочет...
И когда он бежит —
Так земля вся дрожит,
Мостовая гнется.
Он пройдет по воде,
Он не станет нигде —
Лес под ним кладется!
Не боится болот,
Заграждения рвет,
Ну, как паутину!
И не хвастаюсь вам,
Много раз видел сам
Я эту махину.

Интереса ребячьего ради,
Он про майский парад
Сделал целый доклад, —
Был не зря сам на этом параде.
Речи там говорили
И из пушек палили —
Бух! бух! бух!
Народ у трибуны — стеной.
Тут грянул оркестр духовой
И двинулись вдруг:
Кавалерия,
Артиллерия,

Бесконечные роты
Пехоты.
А какие там шли пушки-самокатки!
Ворог глянет на них — душа в пятки.
Жерло,
Как дупло, —
Четверть метра с лишком.
Нас не тронь:
Под огонь
Попадешь — и крышка!

Везут их машины и кони,
Площадь под ними аж стонет.
Двинулись танки один за другим,
Конца, как посмотришь, не видно им.
Тачанки пошли, пулеметы,
Танкетки. Вверху самолеты —
Высоко, выше, чем лес,
Делают петли, падают вниз,
Вдруг от земли взмывают ввысь
И сыплют листовки с небес.
Летят они, как голубки,
Их ветер свивает в клубки,
А они от него — улетать.
Вот какая была красота!
За войсками пошли и союзы,
ВУЗЫ
и ВТУЗЫ.
Как маки, знамена
Над каждой колонной.
Мелькают плакаты:
Буржуй на плакате пузатый
И поп рядком
С кулаком.
Пузо — ну, на троих!
Хохот, улюлюканье возле них.

А трубы звучат:
— Тра-ра-ра!
И люди кричат:
— Ура!

На второй день Мая
Картина иная:
Гурьбою веселой,
Дню такому рады,
Выходят ребята
Из сада, из школы.
Эмма перебила,
Михася спросила,
Просто дала в руки
Козырь ему лишний:
— А в садах-то этих,
Куда ходят дети,
Груши есть и вишни?

— Ты не знаешь сада?..
Ай, конфуз какой!
Это, ну, как школа,
Это дом такой.

Михась забывает
Про школьный парад,
Рассказать желает
Он про детский сад.

В городе немало
Садиков тех стало.

Там тепло детишкам —
Девочкам, мальчишкам,

Сухо там и чисто,
Там порядок строгий,
Хоть детей и много,
Шумных, голосистых.
Все там по порядку:
Утром физзарядку
Мы всегда проводим.
А потом читаем,
Весело играем —
Хороводы водим.
Нам все игры ладят
Тети — Нина, Владя —
И, скажу вам прямо,
Всех нас они любят,
Пестуют, голубят,
Ну, как дома мама.
А перед едою
Чистою водою
Дети моют руки,
Не попали чтобы
С грязью в рот микробы —
Вот совет науки.
Сами за собою
И за чистотою
Всюду наблюдаем.
Все труду мы рады.
Никакой пощады
Нет у нас лентяям!
Глянут тебе в уши,
Грязно — мой под душем,
Было чисто чтобы!
Грязь — наш враг заклятый.
Чистота, ребята, —
Первый курс учебы.
А потом работа,
У кого к чему охота.

Кто возьмет игрушки
Выстроит избушки
Из кубиков и брусков,
Из разных дощечек, кусков.
Есть и «Конструктор» такой —
Что хочешь построить можно:
Автомобиль легковой
И мост железнодорожный.
Но группою сделаешь
Дело скорей:
Группой работать
Всегда веселей.
А порой смастерят тюрьму,
Чтоб вредитель не мог вредить никому,
На страх кулаку да буржую —
Не зарься на землю чужую!
А в час беспокойный
Ведутся и войны.
Хочешь быть целым,
Не суйся к нам, белый!..

Ну словом, в саду том
Тебе не наскучит:
Сад тебя пестует,
Сад тебя учит.

Слушали — Эмма,
Петрок и Игнат:
Хорошая тема!
Хороший сад!
Расскажут родным до словечка
Про все, что узнать довелося,
Свой сад у них будет, конечно, —
Не зря наш Михась был в колхозе.

Прощанье

Летечко, ты лето!
Песенка пропета
Громко для ребят.
Брали полной чашей
Все, что было краше,
Дети у тебя.
Ты ребят бодрило,
Силы им дарило
Щедрою рукой:
Волей молодою,
Теплою водою,
Чистою рекой,
Полем и лесами,
Песней — голосами
Ясных дней твоих.
Мыла их росою,
Солнечной косою
Утирало их...
Радость, что искрится,
Льется через край,
Пили мы, как воду,
Из лесной криницы,
Так прими ж за это,
Золотое лето,
От души — «Прощай!»

1934 г.

Цена 3 руб. 45 коп.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор Д. Ковалев. Худож.-технич. редактор В. Варинчик.
Корректор А. Ткачева.

Подп. к печати 4/VI 1957 г. Тираж 24000 экз. Формат 70 × 92 1/16.
Физ. печ. л. 11,25. Усл. печ. л. 13,2 Уч.-изд. л. 8,13. Цена 3 руб. 45 коп.
Зак. 160.

Типография им. Сталина, Минск, проспект им. Сталина, 105.